

АННА ОРЛОВА

АДВОКАТ
ПО МАГИЧЕСКИМ ДЕЛАМ

Анна Орлова

Адвокат по магическим делам

«Автор»

2026

Орлова А.

Адвокат по магическим делам / А. Орлова — «Автор», 2026

Вас одолели призраки, нарушающие тишину по ночам? Лесная нечисть пытается увести мужа? Артефакт сбоит, а орган защиты прав потребителей не помогает? Идите-ка вы на три буквы! То есть в суд. Продолжение романа "Дюжина лазеек".

© Орлова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дело 1. Нелишний вес	5
Дело 2. Право на защиту	31
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Анна Орлова

Адвокат по магическим делам

Дело 1. Нелишний вес

– У меня к тебе серьезный разговор! – патетично выдал Нат и воздел половник.

Я чуть не подавилась кофе. Нельзя же так! Тем более в первый рабочий день после долгих праздников. А в этом году на Белтайн власти расщедрились на десять выходных кряду. После такого перерыва еще поди вспомни, кем ты работаешь – а главное, зачем?

И тут они: Нат и серьезный разговор.

– М-м-м? – промычала я, откашлявшись, и придвинула к себе блюдо с еще теплыми булочками. Надо же заесть стресс.

– Так больше не может продолжаться! – продолжил домовой и половник к груди прижал. Я даже руку от булочки отдернула. Тяжелые времена требуют тяжелых решений.

– Ты что, хочешь уйти? – спросила я в лоб.

Не люблю хождения вокруг да около, мне их на работе с избытком.

Нат вытаращил глаза и выронил половник. "Бздынь" – печально сказала несчастная жертва наших разборок, встретившись с кафельным полом.

– Как – уйти?! – просипел домовой.

– Ногами? – предположила я насмешливо.

Уж очень это смахивало на шантаж в духе "вот умру – и будете плакать!"

Нат надулся.

– Ну тебя! Я же серьезно, а ты шуточки шутишь.

Я могла бы сказать, что о серьезном как раз стоит говорить как бы в шутку. Так легче. Но время поджимало, а ведь еще до офиса добираться!

– Давай без обиняков, – я все-таки намазала булочку маслом и откусила. М-м-м. – Что стряслось?

– Вот это, – домовой ткнул пальцев в булку. – И стряслось!

– М-м-м? – повторила я и оглядела надкусанную булку. Булка в ответ посмотрела на меня глазами-изюминками... Бр-р-р! Я встряхнула головой. Надо сегодня пораньше лечь спать, а то мерещится всякое. Хотя с "пораньше" может и не выйти, у дочки как раз зубки режутся. – А что не так? Вкусная, свежая.

– Ты слишком много ешь, – заявил домовой обличительно.

Я все-таки подавилась.

– Посмотри, на кого ты стала похожа? – продолжил Нат, распаяясь. – Щеки появились, и бока...

– И окорока, – поддакнула я. – Нат, после родов многие прибавляют в весе.

– Угу. Но уже год прошел! – всплеснул руками он. – Пора худеть.

– Кому пора, тот пусть и худеет, – сказала я и принялась за булку, хоть и без прежнего аппетита. – И вообще, ты ведь сам испек.

– Для Артема, – поднял палец домовой. – А тебе вон, капустный салатик и отварное яйцо.

Учитывая, что в офисе я обычно перебивалась кефиром и бананом – и это за весь день! – перспективы не радовали.

– Нат, – вздохнула я и одним глотком допила кофе. – Ну чего ты пристал? Какое тебе дело до моего размера?

Нат тоже вздохнул и сказал наставительно:

– Я же о тебе беспокоюсь. Вдруг тебя Артем бросит? Мужики – они глазами любят!

Я хмыкнула.

– М-да? А я-то думала, у них другие органы для этого предназначены...

– Да ну тебя! – надулся мой драгоценный домовый и отвернулся к окну.

Денек выдался не из легких.

Сначала клиентка устроила скандал, как только я произнесла стандартное: "Услуги у нас платные".

– Как это платные? – подбоченилась гномка и брови насупила, грозно так. – Вы же клятву Эйр давали! Помогать и защищать.

– Положим, не Эйр, а Форсети, – хмыкнула я. Эйр, богине врачевания, клялся Артем как хирург. Я же присягала богу справедливости. – И там не было ни слова, что я должна делать это бесплатно.

– Тьфу, – сплюнула гномка и убралась-таки восвояси.

Какое облегчение!

Только я успела выдохнуть, как в консультацию влетела коллега, Фарлай Фейруларс.

Мысленно я застонала, поскольку Фарлай обожала сплетни и склоки.

– Добрый день, – сказала я вежливо.

– Что у тебе сделала? – немедленно взвилась коллега. – Почему ты говоришь со мной таким тоном?

– Каким? – вздохнула я потерла лоб. Кажется, десять выходных не пошли ей на пользу. Фарлай истосковалась дома, утомилась пилить мужа (который относился к жениной блажи философски, как к неизбежным осенним дождям) и жаждала вылить на чью-нибудь голову весь накопленный яд. Увы и ах, голова оказалась моя.

– Неуважительным! – припечатала она и руки на необъятном бюсте сложила. – Явно же говоришь, а сама желаешь "чтоб ты сдохла"!

– Ну что ты, – я улыбнулась еще шире. – Я желаю, чтобы ты жила долго, счастливо...

"И желательно подальше отсюда" – закончила мысленно.

Коллега фыркнула, смерила меня взглядом "мы еще не закончили!" и утопала в смежную комнату. Пить кофе и сцеживать яд.

Последнее она делала по телефону, обрушив на голову бедной Альбины громы, молнии и водопад недовольства. Дескать, у Фарлай в графике дежурств на этот месяц аж два понедельника и ни одного четверга! По четвергам в нашем районном суде принимали иски, так что клиентов – теоретически – было больше. Так что приходилось строго следить, чтобы четверги на всех адвокатов припадали поровну. Чем Фарлай не угодил понедельник, оставалось загадкой. День тяжелый?

Альбине я посочувствовала. Нелегко быть начальством, лишенным всякой возможности приструнить зарвавшегося подчиненного!

Впрочем, прислушиваться я вскоре перестала. Косяком повалили клиенты. Только вот я – внезапно! – вовсе не была им рада.

Первой, пугливо озираясь, вошла полная дама средних лет.

– Проходите, присаживайтесь, слушаю вас, – сказала я заученно. – В чем ваша проблема?

Она пристроилась на краешке кресла, прижала сумку к груди и сказала сдавленным шепотом:

– Меня преследуют!

– Кто? – осведомилась я, мысленно вздохнув. – Бывший муж?

Вопреки многочисленным фильмам, запретов на приближение к объекту наши суды не выдают. И вообще, мало что можно поделать, пока несчастной жертве не причинен реальный вред. Увы, увы.

Однако дама покачала головой. Подалась вперед и выдохнула страшным шепотом:

– Судья!

Час от часу не легче.

– В каком смысле? – уточнила я осторожно. – Он рассматривает ваш спор и...

– Да нет же! – дама настолько забылась, что даже повысила голос. Нервно поправила воротничок блузки. – Он правда меня преследует. То есть сначала за мной следила полиция, а потом как-то раз выхожу из дома – а там он. В машине сидит. Смотрит!

И вздохнула судорожно.

– Эм, – пробормотала я, потирая переносицу. – А как вы определили, что он судья? Вы знакомы?

Судья, занимающийся обычной слежкой? Серьезно?

Она посмотрела на меня одновременно затравленно и снисходительно.

– Ну это же видно!

По каким признакам, хотела бы я знать? Таблички "Осторожно: судья!" они пока не носят. Разве что носы дерут больше обычных смертных, но это и с прочими власть имущими случается.

– Неужели? Вы уверены, что он преследует именно вас? И почему за вами следят, кстати?

На бандитку она, прямо скажем, не похожа.

– Да это же понятно! – воскликнула клиентка, раздражаясь. – Я была главбухом в крупной фирме и... Мой шеф с налогами мухлевал! Два года назад я не выдержала, уволилась. А потом за мной стали следить!

М-да, тяжелая у бухгалтеров работа. Нервная. На такой и впрямь свихнуться недолго.

Не без труда выставив несчастную – посоветовать я ей могла разве что обратиться к психиатру, но консультацией это не сочтешь – я только вздохнуть успела, прежде чем в дверь снова постучали.

Не дожидаясь разрешения, в мой кабинет ввалился мужчина средних лет, растрепанный и донельзя взволнованный.

– Я хочу оспорить отцовство! – выкрикнул он с порога.

Дело не слишком приятное, но обычное.

– Присаживайтесь, – в повела рукой, указывая ему на ближайшее кресло. – Слушаю вас. Почему вы считаете, что вы не отец ребенка... Вашей супруги, насколько я понимаю?

Он машинально покрутил обручальное кольцо.

– Да! То есть ребенок еще не родился, Танечка только на пятом месяце. Но я хочу заранее все разузнать. Понимаете, раз это не мой ребенок, я же не должен платить алименты?

– Разумеется, нет, – заверила я, внимательно его разглядывая. Ласковое "Танечка" меня насторожило. Не говорят так о женах-изменницах. – Но ведь ваша супруга на алименты не подавала?

По закону право на содержание имеет не только ребенок, но и мать. И это право сохраняется до достижения ребенком возраста трех лет.

– Нет, конечно, – удивился он. – Мы же вместе живем.

Совместное проживание вовсе не являлось препятствием для взыскания алиментов. Далеко не все отцы считают нужным выделять адекватную сумму на обеспечение нужд младенца. А выпрашивать каждую копейку – то еще удовольствие.

– Тогда тем более, – хмыкнула я. – Насколько я понимаю, ваша жена признает, что вы не являетесь отцом ребенка?

Если так, то дело проще простого. Истец подает в суд, ответчица иск признает – и дело в шляпе. Точнее, в ЗАГСе.

– Конечно, – кивнул он. – Понимаете, я работаю вахтовым методом, по полгода. Вернулся к праздникам, а тут...

– А отец ребенка готов выступить свидетелем? – уточнила я на всякий случай. Редкий любовник на такое согласится.

Впрочем, картина и без этого ясна. Раз "Танечка" на пятом месяце, тут и без экспертизы можно обойтись. Хватит и несложных подсчетов.

Но любой юрист собирает максимум доказательств, просто на всякий случай. Мы большие перестраховщики, и нередко это оправдывается.

Он посмотрел на меня с удивлением.

– Нет, конечно! Понимаете, Танечка медиум. Однажды на сеансе что-то пошло не так и... В общем, ею духи, того, овладели. Она не виновата!

Что-что?

Я кашлянула, скрывая смех, и сказала серьезно:

– Боюсь, затруднительно взыскать алименты с духов.

Короче говоря, и этот клиент ушел недовольным. А под дверью уже ждал следующий.

– Я хочу оспорить завещание! – заявил молодой гоблин и хлопнул мне на стол нотариально заверенный документ.

Увы, я не нашла, к чему в нем придраться. Ни на первый взгляд, ни на второй.

– На каком основании? – уточнила я осторожно.

Отчего-то граждане уверены, что оспорить последнюю волю можно легко и просто, было бы желание. На практике же случаи удовлетворения подобных исков крайне редки. Для этого нужно доказать, что наследодатель на момент составления завещания либо был не в себе, либо его тем или иным способом принудили поставить подпись. Прямо скажем, нетривиальная задача. Разумеется, если ныне покойный гражданин не состоял на учете в психоневрологическом диспансере, но и в этом случае придется проводить соответствующую экспертизу.

К тому же нотариусы бдят. И, прежде чем заверить чье-то волеизъявление, непременно удостоверятся, что клиент понимает, кто он такой и что подписывает. При некотором опыте это несложно.

– Это подписал не отец! – припечатал клиент, подался вперед и глаза вытаращил.

– Это будет трудно доказать, – заметила я сдержанно. – Нотариусы проверяют личность и...

– Да что вы все об одном талдычите, – перебил клиент запальчиво. "Все"? То есть я не первая в списке? – Ну глянул этот ваш нотариус, и что? Лицо, отпечатки пальцев – это все совпадает. А что это был драугр, он может отличить?!

И посмотрел на меня с торжеством.

– Оживших мертвецов определить нетрудно, – возразила я сухо. – Даже на первый взгляд. На их внешнем виде обязательно сказывается причина смерти и...

– Врете! – завопил клиент, вскакивая.

Я только глаза закатила. Кажется, в дурдоме сегодня день открытых дверей. Весеннее обострение во всей красе.

– Извините, ничем не могу вам помочь, – сказала я тихо, но непреклонно. – До свидания.

– Я на вас жалобу напишу! – пригрозил клиент. – В эту, как ее? В коллегия!

– Адрес подсказать? – предложила я вежливо. – Нет? Всего доброго.

Не железная же я, в самом деле!

Когда клиент, изрыгая проклятия, вымелся наконец за дверь, я на мгновение позволила себе прикрыть глаза. И вздрогнула от ядовитого:

– Смотрю, у тебя клиенты прямо в очередь выстраиваются!

Дорогая коллега, чтоб ее. Стоит, подбоченившись, и смотрит исподлобья.

– Могу подарить, – предложила я с чувством.

– Мне чужого не надо, – поджала губы она и огляделась. – Кстати, а куда подевалась наша секретарша? Опять входящая документация не рассортирована!

Нелюбовь Фарлай к Летиции вспыхнула с момента знакомства и не угасала ни на миг. Призрачная дама несказанно бесила нашу скандалистку тем, что на все ее выпады реагировала безукоризненно вежливо и никогда не теряла присутствия духа... Странно звучит в отношении собственно духа, но как есть.

Задеть или оскорбить Летицию было невозможно. Хотя нельзя сказать, что Фарлай не пыталась.

Я усмехнулась – мысленно, разумеется! – и напомнила:

– Летиция в отпуске, вернется пятнадцатого июня.

– Ах, да, – кисло сказала Фарлай, умащивая свое необъятное сиденье в кресле напротив. – Хотя зачем призракам отпуск? Что за блажь!

Я лишь плечами пожала.

Летиция заявила, что всегда мечтала путешествовать. При жизни она такой возможности не имела, так почему бы не осуществить мечту хотя бы после смерти? Так что она взяла положенный отпуск и выкупила каюту в пароходе, следующем в Хельсейм. Я сама отвезла ларец с ее жемчугом на корабль.

Что тут скажешь? Похвальное жизнелюбие, всем бы так!

Домой я приплелась без сил. Хотелось стащить туфли, упасть носом в подушку и...

Радостный лепет дочки заставил меня взбодриться, а низкий смех мужа и вовсе подстегнул.

– Всем привет, – улыбнулась я, заглядывая на кухню. – Тем, ты сегодня рано.

– Начальство расщедрилось, – хмыкнул он, вытирая испачканную мордашку Алисы. Дочка заливисто хохотала и пыталась увернуться. – Я даже поесть успел.

Скорее всего, начальственная щедрость была не к добру – а разве бывает иначе? – но мы дружно решили не портить момент. Переглянулись только.

Домовой уже хлопотал у плиты, накладывая ужин. Котлета, салат и пюре.

– Приятного аппетита, – пожелал Нат. – Пирожное будешь?

И никакого ворчания, никаких попреков? Надо проверить, не сдохло ли в горах что-то крупное? Троль там или дракон?

– Буду, – кивнула я, хотя сладкого не хотелось. Просто чтобы посмотреть, как он реагирует.

Нат даже бровью не повел, вытащил из холодильника кусок бисквита, щедро сдобренный кремом, и поставил передо мной.

Дочка немедленно протянула к нему ручки.

– Дядя!

И пока Артем терпеливо объяснял ей, что маленьким девочкам такого нельзя, а Алиса ныла и плевалась кашей, я набросилась на еду. Оказывается, я зверски проголодалась!

Звуки шли фоном: увещевания мужа, нытье дочки, бормотание домового...

Пока в этот привычный и успокаивающий шум не добавилось негромкое: "Кхм!" Артема.

Я подняла голову. Глаза мужа смеялись, губы подрагивали в попытке сдержать улыбку.

– Нат, – сказал он сдержанно. – Утоли мое любопытство. "Дальше пошло" – это куда? У меня медицинское образование, но я теряюсь в догадках.

Домовой залился краской. Отвернулся. Буркнул что-то. И шмыгнул в кладовку.

Я приподняла бровь.

– Что это было?

Артем пожал плечами и процитировал:

– Как вошло, так и вышло. А как вышло, так и дальше пошло... Видимо, какое-то заклятие.

– Для похудения, – подхватила я, начиная звереть. Так вот почему он так расщедрился! Внимание отвлекал. Я отставила тарелку и позвала, вкрадчиво так: – На-а-ат!

Дурак он отзываться, как же...

В сон я провалилась, как под лед. Бульк – и даже барахтаться не пыталась.

Словно через толстое ватное одеяло я слышала шаги Артема. Вот прогнулся матрас. Муж завозился, устраиваясь поудобнее, и тоже затих.

Из детской доносился еле слышный голос Ната, который напевал Алисе колыбельную.

Все спокойно. Спать!..

Снилась мне какая-то муть. Грязная река, духота, я из последних сил плыву, цепляясь за бревно... А стая пираний отщипывает от меня по кусочку!

Из кошмара меня выдернул сонный оклик мужа:

– Эй! Ты что делаешь?

И ногой дрыгнул, поперек меня закинутой. Он всегда норовил во сне прижать меня покрепче, словно боялся, что сбегу.

Сама схватилась за его руку, как утопающий за соломинку. Так вот оно какое, "бревно".

Я уже открыла рот, чтобы извиниться, но Артем сел на постели и рявкнул:

– Стоять!

– Упс... – пробормотала темнота голосом Ната.

Я протянула руку и щелкнула выключателем. Торшер осветил сюрреалистическую картину: домовый присел и пригнул голову, словно пытался слиться с узорами ковра. В растопыренных руках он держал... рейтузы. Алые. Дамские, размера эдак шестидесятого. Они парусом трепетали на сквозняке.

– Что тут происходит? – поинтересовалась я холодно.

Нат молчал, и Артем подсказал, хмыкнув:

– Очередной заговор? Я не все расслышал, но там что-то было про жир с пуза, который должен уйти в чужие рейтузы. А потом он меня ущипнул.

– Я не хотел! – пискнул Нат, наконец отмирая. – То есть...

Он замялся, и я закончила:

– То есть хотел, но не Артема. Так?

Домовой помедлил – и решительно кивнул.

– Я хотел, как лучше!

А получилось, как всегда.

Часы показывали половину второго, спать хотелось зверски.

– Брысь, – буркнула я. – Утром поговорим.

Нат тут же испарился. Я выключила свет, забралась под одеяло... и обнаружила, что Артем давится смехом.

– Что? – пробормотала я сонно.

– Вспомнил, – ответил он сдавленным голосом. – Когда он меня ущипнул, то еще возмутился. Мол, совсем ты себя запустила, даже ноги не бреешь!

Утром Артем умчался на работу чуть свет. У меня же первая встреча была назначена в половине двенадцатого, так что в кои-то веки была возможность выспаться и неспешно позавтракать...

Была бы, не косись на меня Нат с такой обидой, что кусок в горле застревал.

– Нат, – не выдержала я ивилку отложила. – Нам надо серьезно поговорить!

Домовой вытаращил глаза. Надулся. Засопел.

– Издеваешься?!

Есть немного.

– А ты нет? – хмыкнула я. – Зачем опыты надо мной ставишь?
– Какие еще опыты? – буркнул Нат упрямо. – Я ничего такого...
– Да-а-а? – протянула я насмешливо. – А кустарная магия? Ты уверен, что это безопасно?
– Конечно! – выпалил он с самым честным видом. – Я все делаю, как положено. И это работает! С этим твоим полуэльфом разбежались – раз. Замуж вышла – два. Ребенка родила – три...

Я только глаза закатила. Поди докажи этому упряму, что не все вокруг происходит по его велению и хотению.

– Давай на этом остановимся, – попросила я сдержанно. – Будем считать, что ты помог мне обрести личное счастье. Дальше уж я как-нибудь сама. Договорились?

Домовой насупился, сказал наставительно:

– Счастье мало найти, надо его удержать! Думаешь, вокруг Артема твоего мало профурсеток крутится? Молодых, красивых, стройных!

Внутри что-то кольнуло. А вдруг?..

Я потеряла переносицу и заметила насмешливо:

– То есть когда ты по ночам врываешься к нам в спальню – это ты наш брак укрепляешь?

Нат смутился, шаркнул ножкой.

– Ну-у-у. Ладно! Не хочешь самопальной магии? Давай мы тебе амулет купим! Пит недавно про такой рассказывал. Его хозяйка купила такой специальный браслет и аж сорок пять кило скинула!

М-да. Впрочем, когда лишнего веса столько, тут за любой амулет схватишься.

Я поймала его горящий взгляд и проронила веско:

– Нет.

Домовой насупился, отвернулся, проворчал:

– Ну и ладно. Ну и подумаешь!

На мое счастье, сегодня в консультации дежурила Альбина. Так что мы всласть поболтали, обсуждая новости законодательства, очередные выходки Фарлай и прочие животрепещущие темы.

– Представляешь, – рассказывала Альбина, мелкими глотками прихлебывая свой кофе без кофеина, – пока муж в отпуске, он готовит каждый день!

И вздохнула тяжело.

– Это плохо? – удивилась я. – По-моему, вполне невинное увлечение. Избавление от кухонного рабства и все такое.

Домового у Альбины не было, а готовить она ненавидела. После развода с первым мужем она вполне обходилась йогуртами, овсянкой да отварной куриной грудкой. С появлением в доме мужчины этот порядок пришлось пересмотреть, и в прошлую нашу встречу Альбина как раз жаловалась, что ненавидит кухонные бдения.

– Ха! – она взмахнула рукой с длинными ногтями. Ума не проложу, как с такими кинжалами она умудряется лихо строчить документы. – Во-первых, готовит он вкусно. И много!

– Кажется, я начинаю понимать... – пробормотала я и почесала кончик носа, пытаюсь сдержать усмешку. – Ты набрала целый килограмм?

Над своей фигурой Альбина всегда тряслась, как особо мнительная мать над болезненным младенцем.

– Хуже, – вздохнула она трагически. – Полтора! Представляешь?

– Ужас, – посочувствовала я и поделилась: – Нат тоже считает, что мне пора худеть.

Она окинула меня изучающим взглядом и вынесла вердикт:

– Пора. Погоди, я же не о том! Понимаешь, он еще и кухню в процессе готовки уделывает так... Вчера полтора часа отмывала!

У меня прямо язык чесался спросить: "А как же маникюр?", но я удержалась.

– Зато калории потратила.

Альбина скривилась, однако ответить не успела. В кабинет заглянула миловидная орчанка.

– Добрый день, – сказала она негромко. В темных миндалевидных глазах застыл вопрос. – Простите, я немного раньше. Мне нужна адвокат Орлова.

– Проходите, – предложила я, отставив чашку. – Чем могу помочь?

Альбина ретировалась в приемную, а я повнимательнее взглянула на орчанку, скромно присевшую на краешек стула. Она была худенькой, изящной, длинные черные волосы забраны в высокий хвост. Лицо подкрашено очень деликатно, всего лишь тушь для ресниц и чуточку светлого блеска на губах. Вместо обилия золота на шее и в ушах – изящные жемчужные сережки да тоненькое кольцо. Одежда тоже указывала, что традиций своего народа орчанка не придерживалась: никаких шаровар и чадры, никакой варварской роскоши. Простое темное платье, свободный пиджак, лодочки на небольшом каблуке, – скромно и со вкусом.

Она в ответ, не таясь, рассматривала меня. Надо думать, выводы сделаны были в мою пользу. Орчанка кивнула и представилась:

– Я – Азиза. Мне о вас рассказывала Зейнаб. Вы занимались делом о разводе гарема, помните?

Еще бы не помнить! История не из тех, что забывается на следующий день.

– Разумеется, – подтвердила я, улыбаясь. – Как у них дела, кстати?

– Отлично! – оживилась Азиза, в темных печальных глазах вспыхнул золотистый огонек, делая ее еще краше. – Зейнаб говорит, муж теперь просто образцовый. Заботится о них.

– Я рада, – сказала я искренне. Всегда приятно, когда твои старания не напрасны. – Вы тоже хотите развестись?

– О, нет! – она покачала головой. – Я... у меня очень деликатный вопрос.

Интересно, что скрывается под этой формулировкой? Установление отцовства? Жалоба на домогательства начальства?

– Какого рода? – поинтересовалась я сдержанно. – Не беспокойтесь, я умею хранить тайны.

Азиза оглянулась на запертую дверь. Сцепила пальцы. Подалась вперед. И сказала почти шепотом:

– Я худею!

Кхм?

Она похвально или жалуется?

И какое, собственно, это имеет отношение к юриспруденции? Законодатели, хвала богам, еще не додумались регламентировать женские параметры. А что? Допустимые размеры, скажем, от сорок второго до пятидесятого, за остальное нещадно карать. Аргументацию подобрать несложно, известно ведь, что проблемы с весом – что недостатком, что избытком – отрицательно сказываются на способности к деторождению, о которой государство столь ярко печется. И неплохой источник пополнения бюджета... Пожалуй, с наших властей бы стало.

– Вам неверно поставили диагноз? – высказала я единственное предположение, которое пришло мне в голову.

– О, нет! – орчанка качнула головой. – Поначалу я и впрямь думала, что у меня проблемы со здоровьем. Но врачи говорят, что все хорошо.

– Рада за вас. Тогда в чем проблема?

Хватит уже тянуть кота за хвост. Решилась ведь она на поход к адвокату? Значит, должна понимать, что придется рассказать все неловкие подробности.

Может, у нее тоже домовой с прибабахом? Я нежно люблю Ната, но временами он явно перегибает палку!

Азиза глубоко вздохнула, опустила взгляд и призналась негромко:

– Я очень хотела похудеть. Орчанки склонны к полноте. Дело даже не в традициях и кухне, просто... телосложение. Понимаете?

Я кивнула, отметив про себя, что она не сказала "мы, орчанки" и "наших традициях". Как будто мысленно отделяла себя от прочих соплеменниц.

– Продолжайте.

Она одернула юбку и слабо улыбнулась.

– Вы, наверное, гадаете, почему я не считаю себе вполне орчанкой? Моим родителям не разрешили пожениться из-за кровной вражды семей. Они сбежали и... Я родилась и выросла здесь, в Альвхейме. Шесть лет назад их не стало, автокатастрофа. Мне тогда было семнадцать, так что я попала в приют. Меня там не обижали, не подумайте! Просто мне было так одиноко... Наверное, я заедала стресс, как это принято говорить.

– У вас очень правильная речь, – заметила я осторожно. Надеюсь, она не примет это за намек, что я считаю орчанок дамами недалекого ума? Ведь это не так. Просто трудно научиться плавать, если тебе позволялось взглянуть на реку только издали.

– Я училась, – признала она спокойно. – Поступила на бесплатное, даже стипендию получила. Теперь вот работаю в хорошей фирме... Там есть парень, он...

Она густо покраснела и умолкла.

– Вам нравится? – подсказала я деликатно.

Кое-что начинало проясняться. С чего бы еще орчанке идти против своей природы и худеть? Никакое "влезть в платье с выпускного" не мотивирует так, как интерес в мужских глазах.

Азиза быстро кивнула и подняла взгляд.

– Я похудела. – Сказала она спокойно. – На пять размеров. И продолжаю сбрасывать вес! А глаза блестят, будто вот-вот заплачет.

– Кхм, – только и сказала я.

Клиентке этого хватило.

– Понимаете, – она вновь огляделась на дверь. – Сначала у меня не получалось. Совсем. То есть я сбросила килограмма два или три. Хотя сидела на строжайшей диете, и на фитнес ходила, и... Словом, я отчаялась. И купила одну штуку... Артефакт для похудения.

– Так-так, – напряглась я. – Продолжайте.

Она развела руками.

– Я не знаю, о чем говорить. Браслет рабочий, я похудела на размер уже за две недели! Но... – тонкие пальцы сжались в кулаки. – Я сняла его уже почти месяц назад, но продолжаю худеть. Я хочу это остановить!

Я кашлянула.

– То есть вы полагаете, что дело в неправильной работе артефакта? Вы обращались к продавцу?

– Конечно, – ответила она сразу на оба вопроса. – Он сказал, что такого не может быть, что его товар безвредный и...

Орчанка умолкла.

– Значит, болезнь исключается, – проговорила я задумчиво и потеряла переносицу. – Вы показывали браслет независимому артефактору?

– Да-да! – подтвердила Азиза энергично. – Только он не смог разобраться. Говорит, вещьца работы хель. И дело точно в ней, но как исправить, он не знает. Я уже в орган защиты прав потребителей обращалась, но там сказали подавать в суд. Помогите, прошу!

И умоляюще посмотрела на меня полным слез глазами.

Нам, женщинам, не угодишь. Толстая – плохо, худая – еще хуже. Прямое завить, кудрявое распрямить, да-да.

– Попробуем, – пообещала я и придвинула к себе чистый лист бумаги. – Ваш паспорт, пожалуйста...

Данные клиентки, сведения об ответчике, обстоятельства приобретения артефакта... У нее даже чек сохранился! Редкая предусмотрительность.

Лично я храню все бумажки, даже если гарантийный срок давно вышел. Слишком часто мне доводилось видеть, например, как подтверждают фактическое вступление в наследство – двадцать лет назад! – при помощи квитанций по оплате коммунальных услуг. Об алиментных обязательствах нечего и говорить.

– Прекрасно, – сказала я, закончив выяснять все обстоятельства. – О чем будем просить? Моральная компенсация в каком размере?

– Чтобы это прекратилось! – воскликнула орчанка. – Мне больше ничего не нужно.

– Зря, – покачала головой я.

Суд не может выйти за пределы исковых требований. Совсем не факт, что вам присудят всю запрошенную сумму. Но если вы ничего не просите, то ничего и не получите.

Впрочем, к этому мы еще вернемся.

Телефон зазвонил, когда я уже выходила из офиса.

– Привет, – голос Артема звучал, словно он запыхался. – Ты где?

– Выхожу с работы. А что?

– Я тоже с работы, – признался муж. – Заехать за тобой? Мне минут десять, если повезет.

– Спрашиваешь, – хмыкнула я. – Жду!

Сбросила вызов и вдруг поняла, что улыбаюсь. Прикрыла глаза, подставила лицо солнечным лучам.

Артем... Как я раньше без него жила, спрашивается?..

Домой мы вернулись поздно. Разве можно сидеть в четырех стенах, когда вокруг бушует май? Когда так упоительно пахнут на городских клумбах пионы, а ботанических сад полон цветущей сирени?

Взрослым и серьезным – к тому же давно женатым! – людям не подобает? Плевать.

В глазах Артема было столько нежности, что мне хотелось... Петь? Летать? Обнять весь мир? Впитывать это тихое счастье всем телом.

В этот вечер я хотела побыть просто женщиной. Любимой. Любящей.

Адвокатом же я стану завтра...

Нат встретил нас мрачным взглядом. Буркнул:

– Нагулялись?

И исчез в детской.

Мы с Артемом переглянулись. Ведь предупредили же домового, что немного задержимся. Не так часто мы теперь позволяем себе просто побыть вдвоем.

– А что у нас на ужин? – спросила я в пространство.

– На столе, – отозвался Нат из глубин дома.

Я бросила сумку на комод, нога об ногу стянула туфли – о, этот блаженный миг, когда можно от них избавиться! – и улыбнулась мужу.

– Есть хочется зверски, – признался он, тоже улыбаясь. – Устроим романтический ужин?

– Не боишься уснуть? – хмыкнула я. – Я же вижу, что у тебя глаза закрываются.

– Кофе выпью, – отмахнулся он и заглянул на блюда, заботливо прикрытые крышками. –

Что тут...

Артем умолк. Что его так удивило?

Я заинтересованно выглянула из-за плеча мужа...

– Да он издевается! – пробормотала я и повысила голос: – На-а-ат!

– Ну, чего еще? – отозвался домовый ворчливо. – И не ори, дочку разбудишь.

– Это – что? – я ткнула пальцем, не находя слов.

– Ужин, – пожал плечами Нат. – А что?

Я прикрыла глаза. Сосчитала до десяти.

– Отварная куриная грудка? – уточнила почти спокойно. – И сырые овощи?

В менажнице были красиво разложены, с позволения сказать, закуски. Фигурно нарезанные огурцы, морковка, сладкий перец, редис. И... все. Даже черствого кусочка хлеба пожалел!

– А что не так? – Нат воинственно расправил плечи. – Мясо свежайшее, я его на пару отварил. И овощи очень полезны для этой, как ее? Пуристалтики, о!

– Перистальтики, – поправил Артем сдавленным голосом.

– Точно! – обрадовался Нат. – Артем, хоть ты ей скажи! Ты же доктор должен быть за здоровое питание.

Артем хмыкнул и осторожно пристроил крышку обратно на блюдо.

– Я сначала мужчина, – прозрачно намекнул он. – А потом уже врач.

Домовой надулся. Отвернулся.

– Между прочим, я старался. А вы не цените!

– Кстати! – вспомнила я. – О твоих стараниях. У тебя, случаем, не найдется контактов продавца браслета, чудодейственность которого ты утром мне расписывал?

Нат расцвел, вытер руки о вышитое полотенце и достал из кармана фартука визитку.

– Решилась-таки? Все-таки соображаешь.

На этот ворчливый комплимент я только хмыкнула.

– Наоборот, – объяснила я и бросила взгляд на визитку. – Совпадает! Между прочим, у меня появилась клиентка, которая пострадала из-за этого браслета.

Домовой вытаращил глаза.

– Да быть не может! Вещица-то хорошая, проверенная. Может, клиентка твоя того, сделала что не так? А на других сваливает!

– А вот это, – я спрятала зевок. – Мы вскоре выясним. Тем, хочешь яичницу?

Нат разобиделся и спрятался. И пусть.

Я наскоро приготовила омлет – овощи и курятинагодились – а потом мы с Артемом долго сидели на кухне. Ужинали. И улыбались друг другу.

Две недели пронеслись незаметно.

Нат упорствовал в намерении причинить добро ближнему – с согласия последних или без оногo – и готовил исключительно отварное и крайне полезное. Гадость!

И почему в законодательстве Мидгарда нет статьи за принудительное причинение добра? По-моему, это немногим лучше, чем совершение принудительного полового акта, которое карается весьма сурово. Только в первом случае любят тебя в мозг (и немного в желудок), а не в половые органы. А разница-то?

Так что мы с Артемом частенько сбегали. Пройтись вместе, поужинать чем-нибудь восхитительно вкусным – и возмутительно вредным.

– Знаешь, – однажды сказал мне муж, когда мы возвращались домой в сиреневых весенних потемках, – я ему даже благодарен.

– Повод устроить романтику? – хмыкнула я и украдкой прижалась щекой к его плечу...

– Явились? – проворчал Нат, обернувшись лишь на миг. Алиса, которую он как раз кормил, заагукала и протянула ко мне ручки. – И не стыдно? О себе не заботитесь, всякую гадость в рот ташите, ребенка почти не видите...

Воспитательную речь прервала дочка. Она цапнула полную пригоршню каши из тарелки и с радостным смехом размазала по бороде домового.

Рядом подозрительно закашлялся Артем, а мне стоило невероятных усилий сохранить невозмутимость.

Так его!..

В судебное заседание по делу Азизы я едва не опоздала. Ехать пришлось с другого конца города, а на мосту опять была пробка. Какой-то лихач перелетел через ограждение и свалился в реку. Полиция, разумеется, место происшествия оцепила, из-за чего образовался километровый затор.

Так что примчалась я всего за пару минут до назначенного часа.

– А, явились, адвокат! – кисло поприветствовала меня судья Мышкина, когда я заглянула к ней в кабинет. – Почтили нас своим присутствием.

– Простите, – сказала я смиренно, гадая, какая муха ее укусила.

Судья по тому, что секретарь с помощником бегали на полусогнутых, муха была размером с овода.

Мышкина смерила меня тяжелым взглядом, который очень не вязался с ее щуплым телосложением, и вздохнула.

– Проверьте явку участников процесса! – скомандовала она секретарю. – Через пять минут начинаем.

Я воспользовалась случаем ретироваться. Веселенькое заседание нам предстоит!

В зал заседаний судья Мышкина ворвалась как валькирия. В том смысле, только и смотрела, как бы вытряхнуть из кого-нибудь душу.

Кажется, даже озоном запахло.

Она шлепнула на стол материалы дела, обвела нас злобным взглядом и начала скороговоркой:

– Слушается гражданское дело по иску Азизы Номрит к Виталию Стрекозину о причинении вреда здоровью и... Так. Представитель истца, встаньте!

Я немедленно вскочила на ноги.

– Да, уважаемый суд?

– Что вы тут понаписали?! – трескучим морозным голосом поинтересовалась судья, похлопав по стопке бумаг.

Клиентка рядом судорожно вздохнула, я же не дрогнула. Не впервой.

– Исковое заявление о причинении вреда здоровью посредством магического воздействия.

Судья подняла брови.

– В гражданском судопроизводстве? Адвокат, а таком случае это должна быть жалоба частного обвинения!

– Воздействие было не умышленным, – пояснила я спокойно. – Речь идет об артефакте ненадлежащего качества, который ответчик продал истице. Вследствие применения данного товара здоровью истицы причинен вред.

Все это я расписала на трех страницах. Но кто же читает материалы заранее?

Мышкина хмыкнула и вернулась к изучению бумаг. Пробежала глазами иск. Нахмурилась.

– Представитель истца, что за чушь? Ваша клиентка жалуется что похудела?!

И взгляд такой, будто прямо сейчас укусит.

– Именно, – подтвердила я невозмутимо. – Видите ли, она излишне похудела.

Судья бросила на Азизу неприязненный взгляд. Орчанка не выглядела тощей. С точки зрения человека, разумеется. Для своей расы она проходила по нижней границе нормы, и доказательства этого я также приложила к иску.

– Может, вы еще на слишком белые зубы жаловаться будете? – процедила судья. – Или на волосы, которые растут чересчур быстро?

Ответчик издал громкий смешок.

Теперь мрачный взгляд судьи достался ему.

Кстати говоря, господин Стрекозин был высок, худ, одет в льняную хламиду и ярко-зеленую безрукавку, а волосы надо лбом он перехватывал плетеной кожаной лентой. На вид ему давно перевалило за шестьдесят. Господин Стрекозин владел небольшой лавочкой, которая торговала всякой всячиной вроде чаев, ароматических палочек и простеньких артефактов.

– Вам смешно, ответчик? – поинтересовалась судья тоном холодным, как льды Хельгейма. – Девушка из-за вас пострадала, а вам все хиханьки?!

Господин Стрекозин только моргал. Он предпочел обойтись без адвоката, так что некому было объяснить ему, как переменчивы судейский гнев и судейская любовь.

Теперь громы и молнии обрушились уже на его голову.

– Я-то тут причем? – опешил он. – У меня хорошие артефакты!

И даже встать не соизволил. Зря. В суде надлежит подниматься на ноги всякий раз, когда к вам обращаются или вы сами хотите что-нибудь сказать.

– То есть иск вы не признаете? – осведомилась судья, наскоро пролистывая имеющиеся в деле материалы.

– Нет, конечно! – приосанился ответчик. – Повторяю, я всякой гадостью не торгую! У меня все хорошее, что зелья, что артефакты. Небось, носила браслет круглые сутки, хотела вес сбросить поскорей? А в инструкции четко написано: надевать только на ночь.

– Я все правильно делала! – не выдержала Азиза и на ноги вскочила. – Я его уже больше месяца не ношу, а все равно худею.

Ответчик фыркнул.

– Тем более! Значит, мой артефакт вообще к этому никаким боком. Мало ли, почему вы худеете? Поди, гадость какую в рот тащите, вот и страдаете от поноса.

Ловкий тип. Сразу уловил в нашей позиции слабое звено. Доказать причинно-следственную связь между действием артефакта и худобой клиентки будет не так-то просто. Не зря же Азизе орган защиты прав потребителей отказал! Вся надежда на судебную экспертизу.

Орчанка густо покраснела.

– Неправда. Я нормально ем!

– В кафе, небось? – прищурился господин Стрекозин. – Или, прости боги, полуфабрикатами? Нет в этой вашей городской еде ни витаминов, ни энергии жизни! Надо питаться скудно, простой пищей, самому выращивать свой хлеб и...

– Ответчик! – не выдержала судья и брови насупила. – Давайте обойдемся без лекций о правильном питании.

Поддерживаю заявленное ходатайство... Тьфу. То есть лично я – только за! Обеими руками. Лекций о вкусной и здоровой пище мне и в исполнении Ната предостаточно.

– Да как скажете, – согласился господин Стрекозин тоном "вам же хуже". – Только врут они все! У меня вот, списочек есть.

И с торжествующим видом шлепнул на стол судье три листа, исписанные убористым почерком.

– Это что? – осведомилась судья Мышкина прохладно.

– Как – что? Свидетели мои. Все похудели как миленькие. Причем ровно насколько нужно! – он воздел палец. – У меня там даже одна королева красоты есть. И все благодаря мне!

И выпятил грудь, важный, как токующий тетерев. Никогда не видела тетеревов – как и всякая коренная горожанка, впрочем – но примерно так их себе представляла.

– Кхм, – сказала судья, уважительно посмотрев на внушительный список. – У сторон имеются еще ходатайства?

– Да, уважаемый суд, – я поднялась. – Прошу назначить судебную экспертизу, на рассмотрение которой поставить вопрос о влиянии артефакта ответчика на организм истицы.

Судья остро взглянула на меня.

– Полагаете, дело все-таки в артефакте?

А вот сомнение в ее голосе мне не понравилось.

– Разумеется! – заверила я бодро. – В руническую формулу артефакта наверняка закра-
лась ошибка. "Девять знаков тайных я прочел и знаю, что они причина хвори этой долгой".

– А как же остальные клиенты? – свела брови Мышкина. – Довольные?

Я подавила досаду. Сумел-таки ответчик судью впечатлить!

– Возможно, ошибка лишь в одном артефакте, – предположила я спокойно. – Поэтому
мы настаиваем на проведении экспертизы.

– У ответчика есть возражения? – осведомилась судья для проформы.

– А как же! – приосанился господин Стрекозин. – У меня все бумажки имеются. Вот!

И хлопнул на стол судье очередную папку.

Мышкина с видимым сомнением принялась листать.

– Сертификат соответствия... Заключение эксперта, – она быстро пролистала бумаги и
подняла взгляд на меня, – из которого следует, что знаки на артефакте не могут быть причиной
болезни. Они лишь ограничивают аппетит.

А вот это был удар под дых.

Азиза рядом судорожно вздохнула.

– Да-да! – поддакнул ответчик радостно. – Я же говорил! Все в порядке с моими арте-
фактами, они как надо работают. А хотите, я вам амулетик подарю? Сами убедитесь, что у
меня товар хороший. Заодно и, кхе-кхе, жирок уберете. Ну, что скажете?

Сказать Мышкина не могла ничего. Сипела только.

Я прикусила щеку изнутри, чтобы не захохотать. Секретарь прикрыла лицо рукой, плечи
ее подрагивали.

– Ответчик! – взревела судья, наконец обретя дар речи. – Вы что себе позволяете?!

– А? – удивился господин Стрекозин. – Так я же от чистого сердца.

Ой, всё...

– И вообще! – он приосанился. – Пусть докажут, что это мой артефакт виноват! А?

С этим, увы, не поспоришь.

Каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается в обосно-
вание своих требований.

Судья вздохнула и потерла лоб.

– Представитель истца, вы настаиваете на проведении экспертизы? Расходы по ней будут
возложены на вас.

Толстый намек не тратить деньги зря.

И все-таки что-то тут было не так...

Ответчик, конечно, мог подделать доказательства. Но у него был взгляд человека,
искренне убежденного в своей правоте.

Вот только и Азиза не врала. Уж в этом-то я, со своим опытом, могла ручаться!

– Уважаемый суд, – сдалась я, поднимаясь. – Прошу...

Моя юбка громко затрещала... и разошлась по боковому шву. Все дружно на меня уста-
вились.

Проклятие! Я на мгновение зажмурилась. Взяла себя в руки и договорила:

– Перенести слушание дела для уточнения исковых требований.

Взгляд Мышкиной стал... сочувственным? Кажется, она решила, что настоящей причи-
ной был конфуз с юбкой.

– Для уточнения исковых требований? – повторила она и с треском захлопнула папку. –
Что же, это ваше право. Зайдите к секретарю через десять минут, получите повестки. Судебное
заседание объявляется оконченным!

В коридоре суда Азиза схватила меня за руку и принялась сбивчиво что-то говорить. "Потом!" – бросила я и заглянула к секретарю. Та вручила мне повестку и сложенную вдвое бумажку.

– Судья просила вам передать.

– Благодарю, – пробормотала я рассеянно и развернула, кхм, послание. Записочек мне еще судьи не писали!

Моргнула. Перечитала. Текст не изменился.

"Хотите похудеть? Я знаю, как!" – вот что значилось там.

Дыру на юбке я кое-как прикрыла сумкой. Дыру в самолюбии заткнуть куда сложнее. Фактически проиграть дело, притом с треском... юбки. Позорище!

Впрочем, сдаваться я не собиралась. Нельзя выиграть все дела – но можно сделать для этого все возможное. В рамках закона и немного за.

– Азиза, – сказала я проникновенно, когда мы отошли в сторонку. – Вы твердо уверены в своей правоте? Поймите, как ваш адвокат я буду поддерживать любую вашу позицию. Однако настоятельно советую подумать.

– Клянусь, – Азиза прижала руку к груди. – Я все делала, как там написано. Честное слово, я ничего не нарушала!

Я вздохнула и пообещала спокойно:

– Мы будем бороться. Скажите, а что-то еще в вашей жизни менялось? Место жительства? Питание?

Сомнительно, но... Быть может, мы не там ищем?

Она лишь головой помотала.

Я снова вздохнула и уточнила:

– Скажите, а вы не пробовали... выбросить артефакт?

– Пробовала, – созналась она и потупилась. – Зашвырнула в кусты рядом с офисом... Но потом мне стало так плохо, и всю ночь снились кошмары! Утром я пришла на работу пораньше. Начала искать и... Игорь заметил меня в кустах. Спросил, что случилось. Я соврала, что потеряла браслет, а он начал мне помогать! И теперь мы встречаемся.

– Поздравляю, – улыбнулась я.

– Спасибо, – орчанка вдруг шмыгнула носом. – Знаете, Игорю не нравится, что я так сильно похудела. Он начал готовить мне всякую полезную еду. Признался, что я всегда ему нравилась, даже когда была толстушкой... И к врачу предложил записать!

– Заботливый, – мягко заметила я. – Вам повезло. Кстати, у вас ведь браслет с собой? Не одолжите мне его на несколько дней?

– Зачем? – растерялась орчанка. – Это нехорошая вещь. То есть мне не жалко, но... не надо!

Она что же, решила, что я собираюсь его носить?

– Мне по делу, – ответила я сухо. – Хочу кое-кому его показать.

Кажется, Азиза не поверила. Спорить не стала, и то хлеб.

Домой я вернулась в задумчивости. Так и сяк крутила факты в голове, но картинка не сходилась.

Открыла дверь своим ключом, крикнула: "Я дома!" и мышкой проскользнула в спальню. А то увидит Нат лопнувший шов... Он ничего не скажет, конечно. Зато так посмотрит!

Ума не приложу, как шов мог разойтись? Утром юбка действительно показалась тесноватой, но ведь не настолько! И надевала я этот костюм не так давно, как раз перед праздниками. Не могла же я за неделю-другую прибавить в весе сразу на десяток килограмм?!

К тому же остальные вещи сидят нормально!

Я стащила юбку и задумалась. Отдать в ателье или сразу выкинуть? Погодите-ка! Торопливые стежки больше походили на наметку, чем на машинную строчку. Понятно, почему шов при резком движении лопнул! А под ним обнаружился второй, нормальный.

На мгновение я зажмурилась. Ну, Нат!..

План созрел моментально. И даже совесть меня не мучила, слишком я была зла. Переложила браслет из сумочки в карман домашних штанов и отправилась на кухню, где домовый колдовал над ужином. Судя по запаху, он варил цветную капусту.

– Добрый вечер, Нат! – я улыбнулась так, что домовый поежился.

– Что это у тебя настроение такое хорошее? – прищурился он. – Небось, опять в буфете гадость какую съела?

– Что ты, – я улыбнулась еще шире. – Знаешь, я тут подумала... Ты был прав.

Домовой широко распахнул глаза, попятился даже. Моя неожиданная капитуляция его, прямо кажем, обескуражила.

– Чего-чего? – переспросил он недоверчиво.

– Прав, – закивала я. – Буду худеть. Вот даже браслетик у клиентки одолжила.

И вытащила из кармана пресловутый артефакт. На вид ничего особенного: грубоватая бронзовая полоска, испещренная непонятными знаками. Привычные руны они напоминали лишь отдаленно, ничего удивительного, что местные умельцы не разобрались.

– Э-э-э, – сконфузился домовый и в затылке почесал. – Ты же говорила, что это... ну, вредно?

Я пожала плечами.

– Не ты ли меня в этом разубеждал? К тому же господин Стрекозин предоставил заключение, что его артефакт безопасен.

Нат подумал, вытер руки полотенцем и сказал решительно:

– Все одно! Ты же мать, ты про ребенка думать должна. Мало ли чего? Лучше уж по старинке, диета там, упражнения...

– Ладно, – вздохнула я. – Диета так диета. По-моему, она нам всем не повредит. И мне, и тебе, и Артему. Что там у нас на ужин?

У домового уморительно отпала челюсть. Он-то наверняка по ночам любимые сливки трескал!

– Мне?! – просипел он, откашлялся, подбоченился и возмутился: – Да я в самом соку!

Я покачала головой.

– Нат, у тебя вон пузцо торчит. И второй подбородок!

Домовой втянул живот... Ну как втянул? Попытался. Живот, несмотря на его старания, выпирал над поясом.

– И где у меня лишний вес?! – возмутился Нат, оставив тщетные попытки. – Это для солидности.

Я закивала.

– Ну да, ну да. Хорошего домового должно быть много... Да ты не переживай, мы тебя и такого любим.

Нат выпучил глаза. Отвернулся. Спросил мрачно:

– Пельмени будешь? В морозилке есть.

В животе громко заурчало...

После сытного ужина я повеселела. Ситуация уже не казалась такой беспросветной, а дело – запутанным.

У меня было два способа получить информацию. Первый – позвонить Шемитту, второй – порыться в своем архиве. Надо ли говорить, что первый вариант я оставила на самый-самый крайний случай?

Номер телефона Мист-иссы я отыскала не без труда. Все-таки несколько лет прошло!

Думаю, она не откажется помочь. То дело я выиграла – хоть и не без вмешательства дракона – так что вполне могла рассчитывать на лояльность бывшей клиентки. А кого спрашивать о хельских артефактах, если не хель?..

Увы, едва в трубке после гудка щелкнуло и приятный женский голос механически произнес: "К сожалению, абонент находится вне зоны действия сети. Попробуйте перезвонить позже".

Совету я вняла, но ни через час, ни через два абонент на связи не появился. Очевидно, или Мист-исса уехала, или сменила номер.

Я в задумчивости потерла лоб. Что же, пойдем другим путем.

На этот раз ответили быстро.

– Да! – рявкнула Вера.

Я отодвинула трубку от уха, кашлянула и уточнила осторожно:

– Ты кусаешься? Или можно говорить?

– А, это ты, – несколько остыла подруга, и я растерялась окончательно. Можно впопыхах не глянуть, кто звонит, но чтобы такого маху дала опытная вельва?

– С тобой все нормально?

Вера немного попыхла, вздохнула и призналась:

– А, Котов взбесил. Ты что хотела-то?

– Заглянуть на чашку чаю. Можно?

– Нужно, – согласилась она мрачно. – Тортик прихвати.

– Само собой! – заверила я. – Через час буду.

– Эм, – сказала я, когда Вера открыла мне дверь со скалкой наперевес. – Все настолько плохо?

Со скалкой обычно встречают неверных мужей. Неужели Котов загулял? А ведь казалось, что наконец обрел свою единственную, ради которой не жаль поступиться сонмом "кошечек".

– А? – озадачилась она и сдула с лица рыжую прядь. – А-а-а! Нет, я просто печенье затеяла.

К тортику? Все еще хуже, чем мне представлялось... Впрочем, есть и плюсы.

– Хоть кто-то не на диете! – сказала я с чувством.

Вера помрачнела.

– И ты?!

– Что? – опешила я и пожаловалась: – Меня домовый похудением допек.

– А меня – Котов, – хмуро сообщила она и взмахнула скалкой.

– Гад, – резюмировала я и продемонстрировала бутылку вина.

Не чаем же горе запивать!..

– Представляешь, – жаловалась Вера, когда мы слопали по куску торта и ополовинили бутылку. – Он мне абонемент подарил! В бассейн. Ну знаешь, тут неподалеку "Обитель Ньорда" открылась? Мол, чтобы ты, дорогая, стала краше прежнего. Ну не сволочь?

– Сволочь, – согласилась я осторожно.

И как это Котов опростоволосился? Он ведь славился умением каждой шепнуть на ушко именно то, что она хотела услышать! Или дело как раз в том, что Вера не была для него "каждой"?

– Знаешь, что самое поганое? – вздохнула подруга и щеку рукой подперла.

– Нет, – сказала я честно. – Что?

Вера махнула рукой, отчего многочисленные браслеты на ее запястье зазвенели.

– Что я раздумываю, как ему это все объяснить. А не прикидываю, по какому адресу переслать его вещи!

Я поразмыслила и резюмировала с усмешкой:

– Поздравляю, у вас все по-взрослому.

– Да ну тебя, – нахмурилась она. – Может он вообще меня разлюбил, раз его моя фигура не устраивает?

Я вздохнула. Мне в этом смысле было проще. Всегда можно прийти к подруге-гадалке и попросить бросить руны. А что делать ей самой? Себе не очень-то погадаешь. Это не запрещено, конечно, но... Для гадания следует сохранять беспристрастность. А как это сделать, когда внутри все дрожит и сжимается? То-то же.

– Не думаю, – сказала я осторожно. – Но ты можешь проверить.

Она даже чуть подалась вперед.

– Как?

Я хмыкнула.

– Пойти в бассейн. В "Обители" ведь и тренажерные залы, и сауна, и еще много чего интересного. Я рекламу видела.

Вера выгнула бровь.

– То есть признать его правоту?

Я усмехнулась.

– То есть выгулять новый купальник, сходить на массаж, посмотреть на подтянутых, кхм, самцов... И описать Котову в красках!

Она вытаращила глаза – и расхохоталась.

– Наливай, – проговорила она сквозь смех. – За это нужно выпить!

Когда с вином было покончено, Вера все-таки спросила:

– Ты уверена, что это сработает?

– Ну... – протянула я, подумала и призналась честно: – Если он тебя любит, то поймет, в чем был неправ и извинится. Если же нет... То пойдет доказывать себе, что он еще тоже ого-го!

– С другими? – криво усмехнулась Вера и тряхнула головой. – Ладно, я это обдумую. А у тебя что стряслось? По работе, я правильно понимаю?

Когда это она понимала неправильно?

– По работе, – согласно вздохнула я. – Взгляни-ка. Что скажешь?

Вера подставила ладонь, принимая браслет, и вгляделась в вязь символов.

– Откуда это у тебя? – спросила она наконец и разжала пальцы, позволяя артефакту упасть на диван. Брезгливо отряхнула руки.

– Это не мое, – заверила я, отвечая на молчаливый вопрос. – Клиентки.

Подруга чуть слышно выдохнула, расслабила плечи и спросила:

– Клиентка твоя жива?

От неожиданности я поперхнулась.

– Вполне, – сказала осторожно. – А что?

– А то, – передразнила Вера, – что эта штука – нид.

– Нид?! – опешила я и головой помотала. – погоди, это никак не может быть проклятие. Это артефакт для похудения.

Подруга криво усмехнулась.

– Видимо, похудение – это побочный эффект. Когда тебя жрут изнутри, сложно не похудеть.

У меня голова кругом пошла. Я подняла руку и попросила:

– погоди. Да быть такого не может! У него ведь куча довольных клиенток, все живы-здоровы. И заключение эксперта, что артефакт относительно безопасен, только ограничивает аппетит... Я дам тебе почитать, если хочешь.

Не мог эксперт так беспардонно врать.

– Ну да, – кивнула Вера и ткнула пальцем в загогулину на браслете. – Вот этот символ как раз ограничивает аппетит... Злых духов, заключенных в артефакте. Чтобы не слопали бедного владельца в один присест, а откусывали понемножку.

– И человек из-за этого терял в весе, – закончила я, наконец прозрев. – Слабость и вялость списывал, само собой, на похудание... Понятно теперь, почему браслет нельзя было носить постоянно!

Где были мои мозги? Мне ли не знать, как важны формулировки?

– Именно, – Вера отсалютовала мне вилкой и принялась доедать второй (или третий?) кусок торта. Хотя у нее стресс, ей можно. И добавила с набитым ртом: – Это вроде медленного яда, хель раньше такие врагам подсовывали. Но если носить понемножку, да с ограничивающими знаками... Это должно быть почти безопасно.

М-да. Когда-то дамы принимали небольшие дозы яда, чтобы добиться стройности и интересной бледности... Если вдуматься, то чем артефакт хуже?

Я вздохнула, подумала и тоже взяла порцию торта.

– Тогда почему моя клиентка продолжает худеть, если давно не носит эту пакость?

– Хороший вопрос, – сказала Вера, прожевав. – Так быть не должно. Слушай, а мне ее показать можешь? Не пакость, клиентку.

– Могу, – вздохнула я и поднялась. – Я позвоню, а ты пока свари кофе, что ли.

Азиза была бледна. Под прекрасными темными глазами залегли синяки, и без того худое лицо осунулось.

– Вам плохо? – встревожилась я. – Вызвать врача?

– Нет-нет, – слабо запротестовала она. – Все хорошо. Я... Я в порядке.

И покачнулась.

Мы с Верой подхватили ее с двух сторон, усадили на диван.

– Ешь! – скомандовала гадалка и сунула в руки Азизы тарелку с тортом и чашку крепчайшего кофе.

Орчанка несмело ковырнула торт, кажется, пребывая в некоторой прострации. Так бывает, когда человек с трудом осознает, где он и что с ним. Балансирует на грани обморока.

Вера разглядывала Азизу, склонив голову набок. На лице у нее застыло странное выражение.

Орчанка съела торт и выпила кофе до капли.

– Спасибо, – пробормотала она сконфуженно. – Я... Сама не знаю, что со мной.

– То-то и оно, – Вера осуждающе покачала головой. – Что не знаешь. Ты что, не ученая совсем?

Азиза часто заморгала.

– Почему же? Я закончила школу и университет.

Вера лишь глаза закатила.

– Я не о том! Тебя что, вообще не учили? Даже азам?

– погоди, – подняла руку я, видя, что клиентка недоуменно хлопает глазами. – Хочешь сказать, Азиза – гадалка?

– Шаманка, – поправила Вера хмуро. – У таких энергии много и она... как бы это сказать? Насыщенная? Вкусная?

Я даже поежилась. Не считала себя особенно впечатлительной, но это "вкусная" звучало жутко.

– Из-за этого?..

Вера кивнула, хотя я не договорила.

– Канал сильный. Вот и присосались, пиявки!

– Но! – встрепенулась Азиза и пальцы сцепила. – Этого не может быть. Женщины не бывают шаманами, только мужчины! Мы лишь передаем дар детям и...

– Кто сказал? – перебила Вера жестко и усмехнулась. – Мужчины?

Азиза широко раскрыла глаза.

М-да...

– И что будем делать? – поинтересовалась я, когда страсти несколько улеглись. – Разумеется, я могу попросить суд об экспертизе. Зная правильные ответы, вопросы задать несложно. Вот только придется выложить немалую сумму...

– Я заплачу, сколько нужно! – пообещала Азиза с готовностью.

Щеки у нее покраснелись – от коньяка и волнения.

Я вздохнула.

– Проблема в другом. Следующее заседание через три недели. Еще месяц-два на экспертизу, потом снова слушание... Даже если никаких накладок не случится, весь процесс займет месяца три.

И это в лучшем случае.

– Не хочется тебя пугать, – вздохнула Вера, – но девочка столько не протянет.

Это я и сама понимала. Азиза уже сейчас больше похожа на тень. Но что делать?

– Можешь что-то предложить? – осведомилась я. – Амулет?

Подруга задумчиво потерла лоб.

– Амулеты... Я знаю парочку подходящих, но владельцы их...

Она указала пальцем на потолок. Ну да, логично. Власть имущие вынуждены защищаться от множества нападений, в том числе магических. Только вряд ли кто-нибудь из них согласится одолжить столь редкую и дорогую вещицу.

– Ну, не знаю. Какие-нибудь упражнения? Защита?

Вера криво улыбнулась.

– Ага, бой с призраками. Забудь, такое только в кино бывает. А защиту новичок не поставит, хоть наизнанку вывернись.

– Интересно, – я понимала, что отвлеклась, но не могла сдержать любопытства. – А как сами орки с этим справляются? Раз девочек не учат?

– Нас дома держат, – вставила Азиза. – Одной даже на улицу выйти нельзя.

– И лицо показывать, – кивнула Вера. – И не заговаривать с посторонними. Как ни странно, это неплохой способ избежать всякого рода магических контактов. Хотя большинству орчанок это ничем не грозит. Насколько я знаю, только у одной из сотни сильный дар, а уж настолько сильные... Короче, большая редкость.

Азиза польщенной не выглядела. Хорошо быть драгоценностью, но плохо, когда тебя хранят в шкапулке.

– То есть нужно нанять шамана для охраны? – ухватилась я за идею. – Конечно, сложно. И не всякий шаман на такое согласится. Но что еще остается?

Вера вдруг улыбнулась.

– У меня есть идея получше. Видишь ли, от амулета к создателю тянется связь. И если сумеешь ее оборвать, то призраки вырвутся. И оставят в покое Азизу, само собой.

– Погоди, – нахмурилась я. – Они дел не натворят?

Не хватало нам только соучастия в магическом преступлении!

– Какое там, – отмахнулась Вера. – Их ведь здесь держит только воля мага. Стоит открыть клетку – и фьюить. Улетят обратно в загробный мир. Только браслет при этом, сама понимаешь, ломается.

– Ничего, – отмахнулась я. – Я могу вызвать тебя как специалиста. Подтвердишь.

– Договорились, – хмыкнула она и посмотрела на Азизу. – Кстати, на ауре такие повреждения надолго остаются. Если знать, куда смотреть, то разглядеть нетрудно.

– Прекрасно, – кивнула я. – В смысле, у остальных "довольных клиенток" они ведь тоже наверняка остались. Хотела бы я знать, господин Стрекозин в курсе, какую пакость продает?

– Вот и спроси, – посоветовала Вера и обратилась к Азизе: – Только обряд тебе самой придется проводить.

– Я же не умею, – напомнила орчанка со смесью надежды и тревоги.

Вера отмахнулась.

– Тут главное желание... Ну и сила, конечно. Знаешь, как говорят? Сила есть – ума не надо!

– Постой, – я кое-что сообразила. – А хель узнают, что их артефакт разрушен?

– Само собой, – пожала плечами она. – Отдачей приложит. А что?

– Ну-у-у, – протянула я, мысленно потирая руки. – Есть у меня одна идеяка...

Ко второму заседанию по делу Азизы я не готовилась. Зачем тратить время на пустяки? Но бумаги все-таки прихватила. Вдруг что-то пойдет не так?

Впрочем, особых опасений я на этот счет не питала. Не тот случай.

У кабинета уже ждала Азиза, которую трогательно держал за руку молодой блондин. У него были серьезные глаза и решительный подбородок.

– Доброе утро, госпожа, – неуверенно поприветствовала меня клиентка. Она как будто сомневалась: доброе ли? Утро ли?

Впрочем, с нашей последней встречи орчанка заметно окрепла и похорошела. Округлились впалые щеки, на них заиграл румянец, в движениях появилась плавность. Из болезненно-хрупкой девицы – в сильную и пышущую здоровьем. Неплохой результат!

– Доброе, – улыбнулась я и покосилась на важного ответчика, окруженного стайкой очень стройных женщин.

Приташил-таки "свидетельниц"? Пусть пеняет на себя.

Господин Стрекозин поймал мой взгляд и задрал нос. Мол, победа у него почти в кармане, выкуси!

Ну, это мы еще посмотрим...

Судья Мышкина на этот раз на людей (и прочих) не бросалась, однако была мрачна и крайне недовольна жизнью. Очевидно, лишние килограммы без боя не сдавались. Хотя откуда в тщедушной Мышкиной взялось хотя бы триста грамм жира?

– Продолжается слушание дела, – она зашуршала листами, – по иску Азизы Номрит к Виталию Стрекозину о причинении вреда здоровью. Представитель истца, вы уточнили искомые требования?

Сказано это было весьма недовольно, и тут я ее понимала. Не обнаружив в материалах дела уточненного иска, судья обоснованно решила, что я предъявлю его прямо сейчас. А по закону в таком случае дается время ответчику для ознакомления, следовательно, дело придется опять перенести...

Тянуть же резину Мышкиной не хотелось.

– Нет, ваша честь, – созналась я, вставая. Судья невольно посмотрела на мою юбку, но в этот раз конфуза не получилось. Нат получил на орехи и притих, так что моя одежда оставалась в порядке. – Мы просим оставить иск без рассмотрения.

– Что-о-о? – недоверчиво уставилась на меня Мышкина.

В голове у нее явно не укладывалось, что я отступлю без боя. И не зря.

– Вы были правы, – развела руками я. – Дело оказалось не подлежащим рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, поскольку речь о проклятии. И насчет подсудности есть у меня некоторые сомнения...

Словно нарочно подгадав – хотя почему "словно", слышимость тут неплохая – в дверь гулко забарабанили. Звук был такой, будто лупили ногой.

Не дожидаясь ответа, в зал заглянула высокая и статная хель.

– Можно? – прогудела она.

Здание суда старой постройки, поэтому трехметровой хель почти не приходилось пригибаться.

– Эм, – сказала судья глубокомысленно и нахмурила брови. – Что вы тут делаете?

Не отвечая, хель шагнула внутрь. Следом косолапо ввалились еще две. В ярко-зеленых шубах – и это по майской-то жаре! – они неуловимо напоминали анекдот про "дорогой, вынеси елку".

Впрочем, топоры в руках намекали, что эти "елки" сами кого хочешь вынесут.

– Неба над головой, – пожелала хель серьезно и чуть склонила голову. – Мое имя Науз-исса, я Мать поселка.

Судья Мышкина откашлялась.

– Чем... эээ... обязаны чести видеть уважаемую Мать? – сказала она с натугой.

Кажется, Мать – это вроде наших губернаторов? Признаюсь, не слишком я разбираюсь в обычаях хель. Впрочем, мне и не нужно. Как говорят юристы, понадобится – вызову эксперта.

И это не лень! Гражданский кодекс требует выяснять мнение специалиста во всех случаях, требующих специальных знаний. Доходит до смешного, когда судья отказывается принимать справку о стоимости недвижимости, мотивируя это тем, что в справке речь о стоимости целого дома, а истец претендует лишь на половину. Разделить на два – даже воспользовавшись калькулятором! – судья не может. Вопрос, понимаете ли, требует специальных знаний. Аж целого курса математики за четвертый класс средней школы.

Впрочем, я отвлеклась. Но потеряла немного, Науз-исса успела лишь предъявить судье свои "верительные грамоты". Мышкину пергаментные свитки явно впечатлили.

Она откашлялась и похлопала по столу, призывая к тишине.

– Ну хорошо. И что вы хотите?

– Забрать этого, – хель указала топором на сжавшегося господина Стрекозина. – Преступника.

– Не имеете права! – пискнул ответчик, но Мать так цыкнула на него зубом, что господин Стрекозин втянул голову в плечи и попытался слиться с интерьером.

В коридоре ахнули. Дверь хель закрыть не соизволили, так что оттуда с любопытством глазели свидетели.

Судья вновь откашлялась.

– И в чем же его обвиняют?

Науз-исса насупилась. Хель немногословны, и ей явно не хотелось тратить время и силы на объяснения.

– Позвольте мне? – поднялась я с места. – Господин Стрекозин некогда работал зоотехником неподалеку от поселка хель. Так вышло, что он спас раненого ездового медведя одной из них, Рауд-иссы. Взамен он потребовал, кхм, некие амулеты, которые впоследствии привозил в Мидгард под видом товаров народного промысла и продавал как средство для похудения. Увы, в действительности это была...

– Тюрьма для духов, да! – подхватила Науз-исса мрачно. – Которые жрали жертву...

– А она из-за этого худела, – развела руками я. – Насколько мне известно, это разновидность нида.

Мать веско кивнула. Судья поежилась. В коридоре загомонили на разные голоса. Кто-то, кажется, хлопнулся в обморок. Кого-то тошнило.

И немудрено. Очень неприятно представлять, что тебя медленно и со вкусом ели... А ты за это платила и еще радовалась. М-да.

– Кхм, – судья громко прочистила горло. – Что же, вы правы, адвокат Орлова. Дело явно не гражданское. Но есть ли у вас, уважаемые, право на арест господина Стрекозина? Нид ведь еще требуется доказать.

Юрист – это диагноз. Казалось бы, какое ей дело до этого ловкача? Сам виноват. И все-таки зудело, не давало покоя пресловутое соблюдение законности. Хуже комара, честное слово!

– Угу, – буркнула хель и на стол перед судьей плюхнулась еще кипа документов, на этот раз мидгардских.

Судья Мышкина немедленно зашелестела страницами. Придраться ей было не к чему. Я ведь не зря ем свой хлеб! Когда озадаченные хель отыскали Азизу, она сразу отправила их ко мне. Найти общий язык труда не составило, и дальше мы действовали сообща.

– Задержать и передать господина Виталия Стрекозина властям народа хель в лице Матери Науз-иссы за незаконную заготовку неуспокоенных духов в местах их компактного погребения, с целью получения выгоды, – зачитывала судья со всевозрастающим недоумением, – а также за наложение проклятия и завладение чужим имуществом путем обмана и злоупотребления доверием... Кхм.

Я улыбнулась растерянной судье.

– Именно так, ваша честь. Так что наши уважаемые гости имеют полное право немедленно арестовать...

Договорить я не успела. Господин Стрекозин наконец отмер. Вскочил, с визгом бросился прочь... Прямо в заботливые руки своих конвоиров.

Высоченные хель легко его скрутили и поволокли прочь.

– Я требую суда! – вопил ответчик из коридора. – Адвоката! Я...

Вопли стихли.

– Что с ним будет? – поинтересовалась судья, проводив их ошалелым взглядом.

– Казнь! – коротко бросила Науз-исса. – Приговор вынесен.

– У хель упрощенное судопроизводство, – объяснила я, кашлянув. – Без прокуроров, адвокатов, ходатайств и прочего. Просто собираются Матери разных поселков, совещаются и выносят вердикт.

Да-да, за эти недели я немало почерпнула из права соседней страны.

Мышкина вытаращила глаза и пробормотала завистливо:

– А так можно было?..

– Спасибо вам! – в глазах Азизы стояли слезы. – Если бы не вы...

– Рада, что дело решилось в нашу пользу, – хмыкнула я. – Только вам следует прислушаться к совету Веры и найти себе наставника. Мало ли что.

– Я прослежу, – пообещал молчаливый блондин и обнял порозовевшую Азизу за плечи.

– Удачи, – пожелала я искренне и сбежала по ступенькам, весело размахивая портфелем, будто первоклассница на перемене.

Орчанка с кавалером спускались рука об руку, перешептываясь о чем-то с видом влюбленных подростков.

Я хмыкнула, завернула за угол... И чуть не споткнулась, увидев четверку весьма характерного вида. Гости из жаркой южной страны гортанно переговаривались и поглядывали на суд, как будто чего-то ждали.

А чего – точнее, кого – могли поджидать орки? Самый очевидный ответ – кого-нибудь из своих. Вот только я не видела в коридоре их соплеменников... кроме Азизы.

Орк постарше, который молча стоял в двух шагах от молодняка, пошевелился. В ухе блеснула длинная серьга, по шее заструилась вязь татуировки, а вплетенные в косы колокольчики мелодично зазвенели.

Шаман!

Я замедлила шаг, лихорадочно соображая. Вернуться и предупредить Азизу? Не успела. Из-за угла вывернула беззаботная парочка. Игорь придерживал Азизу под локоть и что-то серьезно ей рассказывал. Девчонка млела... Пока не налетела с разгона на гортанное:

– Эй, красавица! Нехорошо так делать.

Орки слаженно окружили парочку, как волки несчастных овечек.

Игорь побледнел, но мужественно попытался задвинуть Азизу себе за спину. Отчаянный парень! Один, против троих – шаман явно вмешиваться напрямую не собирался – безоружный... Шансов у него, прямо скажем, немного. Разве что кто-нибудь (я, например) вызовет полицию. Но это когда еще будет! К тому же полиция, увы и ах, старается не вмешиваться в разборки иных рас.

– Что вам нужно? – спросила Азиза звенящим голосом. – Кто вы такие?

– Мы твоя родня, красавица, – ухмыльнулся один из орков, показав заостренные клыки.

– И ты пойдешь с нами! – заявил второй, хватая ее за локоть.

– Руки убери, – рыкнул Игорь, напрягшись.

– А иначе что? – рассмеялся ему в лицо первый. – Да не боись, девочка не пострадает.

Мы просто заберем ее домой.

– Домой?! – выкрикнула Азиза, вырываясь. Лицо у нее пылало. – Где вы были, когда я осталась сиротой? Когда меня забрали в детдом?

– Это дело прошлое, – преспокойно пожал плечами третий. – Красавица, не спорь. Мы не хотим тебе зла. Ты просто должна выйти замуж. Разве не об этом мечтают все девушки?

– Сильный дар, – проронил шаман, глядя сквозь нее. – Твоя кровь пробудилась, когда ты проводила обряд. Я почуял.

Мысленно я сплюнула. Могла бы сообразить, что орки Азизу почуют! И Вера не подсказала... Хотя с нее бы случилось и промолчать, если это зачем-то нужно. Скажем, окончательно развязать этот узел. Но какой ценой?

– Азиза выйдет замуж за меня, – спокойно сказал Игорь и обнял ее за плечи. – Мы уже обручены.

Неужели орки поволокут ее силой? Едва ли. Скорее запугают, чтобы пошла сама.

– Красавица, – ослабил первый орк, – ты ведь не хочешь, чтобы с твоим мужчиной что-нибудь случилось?

И подмигнул резко побледневшей Азизе.

Ну, хватит! Как-никак, защищать клиентов – это моя работа. В крайнем случае, начну бить портфелем – а он тяжеленный! – и орать. Вряд ли орки посмеют меня тронуть.

– Уважаемые, – громко сказала я и помахала телефоном. – Учтите, что я уже вызвала полицию.

Азиза схватилась за горло и уставилась на меня во все глаза.

– Ты кто такая? – насупился один из орков, сверля меня взглядом.

– Иди отсюда подобру-поздорову, – зловеще посоветовал второй.

Боюсь, боюсь. Уголовный кодекс, правда, остался в офисе, но гражданский и гражданско-процессуальный в купе, думаю, сработают не хуже.

– Неправильный ответ, – покачала головой я. – Мне еще не доводилось выступать в качестве свидетеля. Это будет новый интересный опыт... Кстати, полиция наверняка заинтересуется, всё ли у вас в порядке с документами.

Орки заволновались. Кажется, не всё.

– Что тебе нужно, женщина? – подал голос шаман и посмотрел мне прямо в лицо.

П-фе. Вера, когда впадает в транс, и пострашнее глазами зыркает.

– Оставьте их в покое, – сказала я отдельно. – Брак – это добровольный союз мужчины и женщины.

Цитатой из семейного кодекса шаман не проникся. Покачал головой.

– Такая сильная кровь не должна пропасть даром. Эта девушка родит сильных детей.

– Или зарежет мужа, – парировала я и голову склонила к плечу. – Я, знаете ли, неплохо знаю статистику семейного насилия.

– Смелая, – заключил шаман, кажется, удивленно.

Я только хмыкнула.

Не то, чтобы я совсем не боялась. Страх – это нормально. Но наглеть – перед окнами суда! – орки не станут.

Шаман долгую минуту смотрел мне в глаза. Перевел взгляд на Азизу. Покачал головой. Бросил что-то резкое на своем языке и зашагал прочь. За ним, неуверенно переглядываясь, потянулись остальные.

Уф! Я выдохнула, дождалась, пока они скроются с глаз, и обессиленно прислонилась к стене.

Положим, защищать клиента – моя прямая обязанность. Но не в буквальном же смысле!

Телефон зазвонил, когда я заканчивала печатать срочное ходатайство.

– Привет, – тихо сказала я в трубку и покосилась на мужа, который посапывал в кресле, делая вид, что читает.

– Он уже не спит, – заявила Вера. – Любуется тобой... Привет.

Я кашлянула. Артем перестал притворяться, отложил бесполезную уже книжку и улыбнулся мне. Любуется, значит?..

– Ты что-то хотела? – уточнила я.

Вера хмыкнула.

– Просто сказать, что сделала, как мы договорились. Сходила в бассейн, расписала потом Котову в красках...

– А он? – невольно заинтересовалась я и повела плечами. Что ты будешь делать? Опять спина болит.

– А он, – фыркнула подруга, – заявил, что в следующий раз мы пойдем туда вместе! Представляешь?

Я представила... и сказала искренне:

– Поздравляю!

– Спасибо. Кстати, вы с нами не хотите?.. Ладно, потом перезвоню. Сейчас Котов из душа вернется.

И сбросила звонок.

Помирились, значит?

Я опустила телефон... И прикрыла глаза, когда неслышно подошедший Артем принялся разминать мне шею.

– Тем, – окликнула я, позволив себе лишь минутку. Иначе кто будет за меня работу доделывать? – А скажи, только честно...

– Ань, – засмеялся он, – такое начало меня пугает.

Меня тоже. И все-таки я хочу выяснить.

Я глубоко вдохнула – и спросила на выдохе:

– Ты не думаешь, что мне надо худеть? И что-то сделать с растяжками? Тебе не... противно?

Я все-таки женщина. Женщина, которая хочет быть любимой и желанной.

Пауза – а потом Артем развернул меня лицом к себе. Сгреб в охапку вместе со всеми моими сомнениями и потаенными страхами.

– Ань, – сказал он, глядя мне прямо в глаза, – ты считаешь меня сволочью или идиотом?

Я заморгала и сказала очень умно:

– Э-э-э?

Муж вздохнул. Меж темных бровей залегла сердитая морщинка.

– Скажи, когда я постарею, растолстею и обзаведусь больной спиной, ты меня бросишь?

Или тебе противно, когда я хожу с соплями и чихаю?

Я помотала головой.

– Что за чушь?

– Тогда почему ты подозреваешь в таком меня? Любимая, ты рожала нашего ребенка.

И всерьез думаешь, что я буду тебя попрекать за лишние килограммы, которые ты при этом набрала?

И что тут можно сказать?

Только:

– Тем, я тебя люблю. Очень-очень.

– И я тебя, – улыбнулся он и поцеловал меня в уголок губ. – Очень-очень!

Дело 2. Право на защиту

-Я хочу заявить о краже! – с порога начала женщина средних лет и столь же средней внешности.

Бесформенная юбка оттенка "мышиный серый", застиранная кофта с катышками, на ногах стоптанные туфли. А главное взгляд: подозрительный и агрессивный.

– Доброе утро, – сказала я, мысленно вздохнув. – Для этого вам нужно обратиться в полицию.

Я догадывалась, что за этим последует. И не ошиблась.

– Была я там! – фыркнула женщина и так вцепилась в сумку, словно мечтала ею кое-кого огреть. Хотя почему "словно"? Полицейских явно уберег от телесных повреждений – а сумка, надо сказать, была весьма объемной и явно увесистой – лишь их статус. – Они посмеялись только, а заявление не взяли!

Надо сказать, ситуация нередкая. По закону полиция обязана принимать все заявления граждан, а уже после решать, есть ли основания для расследования. На практике же все обстоит не столь идиллически. От дел сомнительных и неприятных – вроде тех же семейных разборок, которые чаще всего оканчиваются примирением сторон – стараются отбрыкаться любой ценой. Порой это приводит к трагедиям, иногда к дисциплинарным взысканиям, но на существо ничего не меняется.

– Отправьте почтой, – дала я бесплатный совет. – Заказным письмом с уведомлением о вручении. Кстати, а что украли?

Последнее я спросила из чистого любопытства.

Она распрямила сутулые плечи, вздернула подбородок и выпалила:

– Синяк!

Я решила, что ослышалась. Быть может, это сленг? За всеми новомодными словечками не уследишь.

– Простите, что?

Клиентка посмотрела на меня свысока, что было в общем-то нетрудно, поскольку я сидела, а она продолжала стоять.

– Синяк, вот тут! – для пущей убедительности она ткнула себя пальцем в лоб. – Меня Клавка, стерва соседская, поколотила. Я в полицию кинулась, а синяк раз – и исчез! Украли его.

История обрастала интригующими подробностями. Всякое бывает в адвокатской практике, но это что-то новое.

Я хмыкнула.

– Каким образом?

Неужели насильно холод прикладывали и мазями заживляющими мазали? Об оставлении в опасности знаю, а вот о насильственном причинении добра впервые слышу.

Она поджала губы, глянула недовольно.

– Известно, каким! Ленка, мамка ее, ведьма натуральная. Поворожила – и синяк у меня исчез, а у другого появится. Ну знаете, как бывает? Он вроде и не ударялся, а синяк тут как тут. Вот это оно и есть!

Разумеется.

Я откинулась в кресле и осведомилась:

– Зачем ей это понадобилось?

Она вытаращила глаза.

– Так понятно же! Чтобы я ничего доказать не смогла!

Я потеряла переносицу. Любопытный способ сокрытия преступления. У нас-то обычно от свидетелей избавляются, а тут – от побоев.

– Говорите, в полиции заявление не приняли? – переспросила я, прикидывая, как бы выставить эту, кхм, потерпевшую.

Положив руку на сердце, дежурного в РОВД я винить не могла. Мало ли таких граждан ходит? Одних соседи через розетку смертоносными лучами облучают, других госбезопасность из летающей тарелки подслушивает... А полиции груду бумажек писать.

– Не приняли, – кивнула она. – Только я этого так не оставлю! Я прокуратуру напишу! И в газеты объявление дам. Посмотрите?

Я развернула протянутый клочок бумаги.

"Пропал синяк. Черно-синий. На лбу, размером пять на пять сантиметров. Нашедшему просьба вернуть за вознаграждение!"

Дурдом...

Любое общее собрание – жильцов дома, клуба садоводов или практикующих юристов – происходит примерно одинаково. Повестка дня, доклад председателя, голосование, протокол...

Большинству хочется поскорей разделаться со всей этой тягомотиной, но всегда найдется скандальное меньшинство. На сотню участников обязательно будет два-три "оппозиционера" и десяток подпевал, большие охотники поорать. При этом стоит лишь предложить им взять дело в свои руки, раз уж они знают лучше, как "оппозиция" быстренько рассасывается. Ведь настоящие активисты, готовые помочь не только словом, но и делом, встречаются нечасто.

Впрочем, я отвлеклась.

Этим вечером собрались адвокаты нашего района – как состоящие в коллегии, так и работающие на вольных хлебах. Это случалось редко и, прямо скажем, ничего хорошего не предвещало. А уж когда Альбина вместо кофе плеснула себе валерьянки... Дело труба.

Так захотелось удрать, что даже копчик зачесался! Увы, нельзя. У меня ответственная миссия – проще говоря, головная боль – вести протокол. Сомнительная честь, но куда деваться? Летиция до сих пор не вернулась.

К четверем в консультацию набились адвокаты, которым еле хватило стульев. Кто-то переговаривался, кто-то недовольно поглядывал на часы, а старик Торстен даже развернул газетку.

Альбина встала, откашлялась и обвела нас взглядом.

– Коллеги, у меня неприятные новости.

Скузреликс Фейруларс хохотнул и вытер лоснящееся от пота лицо. День был жаркий, и толстяк Скузреликс изнывал в своем дорогом костюме.

– К нам едет ревизор? – схохмил он.

Альбина кисло улыбнулась и потерела сверкающую в ухе сережку.

– Хуже.

– Не тyani, девочка, – проскрипел старый гном Торстен.

Когда-то он был председателем нашего районного суда, а после выхода на отдых, как часто бывает, получил адвокатское свидетельство. В район он наведывался нечасто, дежурств не брал и делами занимался лишь со скуки. Благо, судейская пенсия позволяла не думать о хлебе насущном. Но связей старик не утратил, и наверняка уже знал, о чем пойдет речь.

Альбина вздохнула, поправила волосы.

– Как вам известно, в отдаленных районах Мидгарда наблюдается острая нехватка практикующих адвокатов.

– Еще бы, – хохотнул Скузреликс и пиджак одернул. – Никто не хочет ехать в такую глушь.

В мало-мальски процветающих сельских районах адвокаты – как и нотариусы – живут припеваючи. Минимум конкуренции, благодарные селяне, судьи знакомы от и до – красота!

Только расплачиваются с ними зачастую натурой: творогом, мясом или яйцами. Поэтому адвокаты в области вальняжные, степенные.

Но это в районах богатых и густо заселенных. А в отдаленных местах, где деревушки на три дома и заброшенные поля, с юристами негусто. Что им там делать? На обидчика в тех местах не подадут в суд – ему по-простому бьют морду.

– А придется, – поджала губы Альбина.

– Девочка, давай ближе к делу, – попросил Торстен и газетку сложил. – Недосуг нам, сама понимаешь.

Альбина кивнула и заговорила отрывисто:

– Пришло указание от Палаты адвокатов. Каждый столичный район возьмет себе определенный регион. Мы должны обеспечить ведение дел по назначению в пяти районах.

– То есть нас будут гонять к йотуну на кулички? – визгливо возмутилась Фарлай Фейруларс и воинственно расправила плечи.

– Именно, – развела руками Альбина. Мол, не виноватая я, начальству видней. – Коллеги, мне самой это не нравится. Но что поделать?

Адвокаты зашумели. Принялись наперебой высказываться. Ерничать.

Многоопытная Альбина молчала, давая им выпустить пар. И лишь когда шум попритих, обвела коллег взглядом.

– Я распределила районы, – сообщила она ровно. – Записывайте...

– Альбина! – позвала я, когда недовольные адвокаты начали расходиться. – Можно тебя на минутку?

Она поморщилась, однако кивнула.

Жестом я указала на смежную комнату и мельком взглянула на часы. Артем обещал меня забрать, но собрание закончилось чуть раньше и до приезда мужа оставалось почти полчаса.

Я щелкнула кнопкой чайника, достала банку с кофе и любимую кружку. Рутинные действия успокаивали, и я сумела спросить почти спокойно:

– Почему ты отправила меня в эту дыру?

Меня трудно вывести из себя, но дорогому начальству удалось. Хотелось сказать что-то вроде "к белке Рататоск под хвост" или даже покрепче.

Взгляд Альбины вильнул.

– Это же не лично тебе! – запротестовала она. – Всем придется.

– Хорошо, – я глубоко вздохнула и сформулировала как следует: – Почему ты отправила именно меня в самую глухую из всех предложенных дыр?

Альбина опустила глаза. Нервно хрустнула пальцами.

– Ну а кого? – спросила она наконец. – Старика Торстена? Вдруг у него там сердце прихватит, а до ближайшей больницы пятьдесят километров, и все лесом?

Вот не надо, не надо мне зубы заговаривать и на совесть давить!

– Фейруларсов, – дернула плечом я и плеснула кипятка в кружку. Накрыла блюдцем, чтобы кофе лучше заварился, и подняла взгляд. – Им ты назначила курортный Сохельм. Тоже глушь, конечно, но с Фьордуром не сравнить!

О Фьордуре, местности на самом севере, близ границы с Хельхеймом, я знала немного. Во-первых, места там глухие и малонаселенные. Во-вторых, местные пробавляются сбором грибов, ягод, меда и всяким мелким ремеслом. В-третьих, край почти сплошь покрыт лесами, в которых водятся кабаны, волки, медведи и боги знают, кто еще. Сомневаюсь, впрочем, что даже боги в эту глухомань заглядывали.

– Себе я тоже взяла, как ты выражаешься, глушь! – запротестовала Альбина излишне живо. – Думаешь, Хольмавик лучше? Можем поменяться.

Хольмавик действительно был если и лучше Фьордюра, то немногим. Вместо бескрайних лесов – такое же бескрайнее море. Рыбачьи деревушки вместо лесных хуторов. В остальном такое же запустение. Депрессивный регион, как это называется на сухом казенном языке.

И все-таки...

– Не переводи разговор, – попросила я хмурую. – Почему Фейруларсам самое тепленькое местечко?

Тепленькое в прямом смысле. Не южное море, конечно, – тамошние курорты недостатком денег (а значит, и юристов) не страдают. И все-таки горячие термальные источники Сохельма куда лучше севера. И народ там попримечнее, и ехать куда ближе.

– Да связываться не хотелось! – призналась Альбина с досадой. – Вонять бы начали, скандалить...

Она осеклась, а я хмыкнула и смыла горечь с языка глотком кофе.

Ну разумеется. Устраиваешь дрязги на пустом месте – и получаешь любые преференции, только бы тебя уговорить. А относишься к людям с пониманием – и тебя отодвигают в сторону. Ты ведь потерпишь...

Фу!

– Ань, – Альбина заметила неладное, попыталась поймать мой взгляд. – Это ненадолго, я обещаю. Только пару месяцев, а потом объявим о ротации. Тогда у них не будет повода для скандала!

Я лишь невесело усмехнулась.

Разве для скандала нужен повод?..

Артем опаздывал. Я собрала вещи, заперла дверь и скучала в тени акации, поглядывая на часы. Пять минут, десять...

Наконец я не выдержала. Набрала знакомый номер.

Ответил муж не сразу.

– Ань, я уже еду!.. Эй, ты куда лезешь? – длинный гудок, и с чувством: – Вот м... чудак! Извини, любимая, это я не тебе.

– Я догадалась, – усмехнулась я, чувствуя, как стремительно улучшается настроение.

– Пять минут, – пообещал муж и вновь кому-то посигналил.

– Жду, – сказала я и сбросила звонок.

Погладила шершавую кору дерева. Улыбнулась. От горького осадка на душе не осталось и следа. Артем всегда действовал на меня как хорошая доза транквилизатора.

Принято считать, что любовь похожа на шампанское: опьянение и приятные пузырьки. Быть может, и так. Но потом, увы и ах, наступает отрезвление. В особо тяжелых случаях – до тошноты.

Разве хуже, когда рядом с мужчиной ты чувствуешь не хмельную легкость, а уверенность и спокойствие?..

Он примчался через три. Взвизгнули тормоза. Опустилось стекло.

– Эй, красавица! – сказал Артем весело. – Садись, покатаю.

– Как не стыдно? – притворно нахмурилась я. – Солидный женатый человек, а пристаешь к девушкам на улице.

Улыбка Артема стала шире.

– Так я же не ко всем девушкам подряд. А только к самой лучшей!

– Лыстец, – хмыкнула я и забралась в авто.

Прикрыла глаза.

– Тяжелый день? – посочувствовал муж и повернул ключ в замке зажигания.

– Очень, – ответила я с чувством и принялась возиться с ремнем. – Представляешь, мне теперь придется мотаться в командировки. Причем ради дел по назначению!

– Далеко? – Артем покосился на меня.

– Во Фьордюр, – созналась я с досадой. – Целая ночь в пути! Первое заседание послезавтра.

Артем помедлил – и вдруг рассмеялся.

– Извини, – сказал он и головой покачал. – Мы с тобой удивительно совпадаем. Меня посылают на конференцию, тоже послезавтра.

Я тоже невольно улыбнулась и согласилась:

– Два сапога пара.

Представляю, какой скандал закатит Нат!

Обошлось без скандала.

Нат вздохнул только, рукой махнул и проворчал, мол, у бедной девочки не родители, а кукушки. Хорошо еще домовый попался хороший!..

Я лишь хмыкнула. Сама я не нахожу ничего хорошего в том, чтобы всецело посвящать себя ребенку. Излишняя родительская любовь ничем не лучше равнодушия. Объятия не должны душить.

Впрочем, я отвлеклась.

Поезд "Альвхейм-Рейдервик" доставил меня на север, а дальше... Дальше пришлось добираться автобусом. Я предпочла бы такси, но они заломили такую цену! Теоретически проезд туда и обратно мне должно компенсировать государство, практически же вернут – в лучшем случае! – стоимость билетов на поезд, и то в конце года. Траты же на такси бюджет считает роскошеством.

Так что я почти час тряслась по ухабам в ветхом рейсовом автобусе, таращилась в окно на бесконечные леса и проклинала все на свете. Ямы на дорогах, полную даму, которая норовила пристроить свои бебехи мне на коленях, щель в окне, из которой нещадно дуло.

Представляю, как икалось Альбине!..

На заветной станции я еле протолкалась к выходу, огляделась и зябко поежилась на неожиданно холодном ветру. Конец августа оказался здесь по-осеннему неласковым и я в своем легком плаще моментально продрогла. А ведь в Альвхейме еще жара!

Ко мне кинулся таксист. Приезжих они нутром чувуют.

– Такси, госпожа?

И окинул таким взглядом, что сразу ясно: три шкуры сдерет.

Соблазн был велик, но я покачала головой. Идти совсем недалеко, всего два квартала.

Таксист нехотя отступил, а я подняла воротник плаща и зашагала прочь.

Суд я заметила издали. И отнюдь не потому, что он как-то выделялся среди прочих виденных мною судов. Обычное двухэтажное здание, типаж "коробка бетонная, обыкновенная". Ало-голубой флаг, табличка "Фьордюрский районный суд", полицейский воронок, охранники в форме – все типовые атрибуты.

А вот толпа, что клубилась вокруг, из стандартов выбивалась. По меньшей мере человек пятьдесят! Я такое видела только когда судили кого-нибудь из рома, и они являлись под суд всем табором.

Я приостановилась, пробормотала себе под нос:

– Ничего себе...

– Это мои односельчане, – негромко объяснил за спиной приятный мужской голос.

Я резко обернулась.

На меня со спокойной улыбкой смотрел высокий блондин самого примечательного вида. В кожаных штанах и такой же безрукавке, на груди целая связка амулетов, медные браслеты на крепких предплечьях, серебристо-белые волосы перехвачены простым шнурком, а узкие губы дрожат от сдерживаемой улыбки. И – я глазам не поверила – босой!

– Виктор Зотов, водный маг. – представился он спокойно. – Ваш... клиент, кажется, так?
– Подзащитный, – поправила я рассеянно. Клиент – это тот, кто платит гонорар. В этом же случае гонорара мне, увы, не полагалось. Дела по назначению мы ведем "за спасибо", хотя и его говорят нечасто. – Анна Орлова, адвокат. Откуда вы?..

– Знаю? – закончил за меня господин Зотов. – В наших краях нечасто бывают такие столичные... гости.

"Фифы" – должно быть, хотел сказать он.

Я прищурилась. Господин Зотов был спокоен. Пожалуй, слишком. Даже свидетели перед судом мандражируют, а этому хоть бы хны. Хотя ему, между прочим, светит от двух до четырех!

Толком подготовиться к делу я, разумеется, не могла, зато в поезде пролистала обвинительное заключение, чтобы не являться совсем уж с корабля на бал. Ст. 184 УК Мидгарда, – уничтожение чужого имущества общепасным способом и с применением магии.

Вообще-то участие адвоката обязательно только по тяжким и особо тяжким преступлениям. Там без защитника суд просто не состоится. И если подсудимый не сумел найти себе адвоката, то такового – бесплатно! – предоставит государство. Отказаться мы, увы и ах, не вправе. Данное дело к тяжким не относилось, но судьи в большинстве случаев удовлетворяют просьбу о назначении защитника. Судье ведь не трудно, а перестраховаться не помешает, особенно когда подсудимому светит лишение свободы.

Хотя реальный срок господину Зотову дадут вряд ли. Преступление совершено впервые, повлекло лишь материальный ущерб, плюс аргументы вроде "положительной характеристики личности виновного". Но все-таки судимость – не фунт изюму.

А он, видите ли, развлекается: подкрадывается к адвокату, в тупик пытается поставить.

– Вам не холодно? – осведомилась я, задержав взгляд на его босых ногах.

– Ничуть, – усмехнулся он. – А вам?

Тут он меня подловил. Я порядком озябла и мечтала наконец оказаться в суде.

– Холодно, – не видела я смысла отрицать очевидное. – Пойдемте? Надеюсь, ваши, кхм, односельчане нас пропустят. Кстати, они ведь не собираются?..

– Отбивать меня в случае чего? – вновь поймал мою мысль на лету Виктор Зотов. – Не беспокойтесь, вмешиваться они не станут. Просто с развлечениями в наших краях негусто, так скажем. И господина Нальгота в Вилфреде не любят.

Мысленно я хмыкнула. "Негусто" – это мягко сказано. Подозреваю, что местная культурная программа состоит из сбора колорадских жуков и походов за грибами. "Хор заплутавших грибников", м-да.

Погодите-ка. Он сказал "господина Нальгота не любят"?..

– Господин Нальгот – это ведь потерпевший? – уточнила я осторожно. – Тогда какой смысл сюда приходить? Судить ведь станут вас, а не его.

Маг улыбнулся, глаза его засияли, как водная гладь на солнце.

– Увидите, – пообещал он с каким-то предвкушением. – Госпожа Орлова, я знаю, что надо делать. В смысле, как вы должны меня защищать.

Про себя я поморщилась. Знает, действительно?

Некоторые граждане воображают, что достаточно прочесть пару-тройку кодексов – и в юриспруденции ты уже дока. А такие мелочи, как подзаконные акты и правоприменительная практика от них как-то ускользают.

Проще говоря, мало прочитать – нужно еще и понять прочитанное.

– Неужели? – переспросила я кисло. – Тогда я не вполне понимаю, зачем вам моя помощь.

Господин Зотов прищурился.

– Нужно ведь не только знать, что делать, но и как. Верно?

Кхм. Я покосилась на него с любопытством.

– Рассказывайте! – велела я.
Пожалуй, это будет интересно...

Народу в зал судебных заседаний набилось столько, что занятыми оказались не только скамьи и проходы, а даже подоконники. Молодежь сидела друг у дружки на коленях, люди постарше степенно переговаривались, а самые предусмотрительные жевали прихваченные из дома пирожки.

Прямо цирк, а не суд!

Господин Нальгот – белые одежды, роскошный тюрбан и тонна презрения – посмотрел на зевак свысока и прошествовал к своему месту.

Господин Зотов улыбнулся односельчанам и под их аплодисменты – какая-то девчонка даже послала ему воздушный поцелуй! – сел в первом ряду.

Определенно, будь у нас какой-нибудь конкурс, приз зрительских симпатий достался бы магу, а не орку. Увы и ах, в процессе важно лишь мнение судьи, а ему вряд ли понравится эдакое столпотворение.

И это притом, что свидетели – как защиты, так и обвинения – еще ждали в коридоре. Им ведь не положено слышать, что будут говорить на заседании! Во всяком случае, до того, как заслушают их собственные показания.

"Встать, суд идет!" – откашлявшись, провозгласила секретарша.

Судья Попович оказался господином средних лет с добродушным круглым лицом. Солидное брюшко и манера чуть переваливаться на ходу выдавали любителя вкусно покушать и сладко поспать.

Мы поднялись, и судья уместился за массивным столом. Окинул взглядом зал. Хмыкнул. Потребовал:

– Секретарь, огласите присутствующих.

Она кивнула и зачитала:

– В судебное заседание явились: подсудимый, Виктор Зотов; защитник Анна Орлова; обвинитель Светлана Онищенко; потерпевший Нальгот, а также свидетели.

– Свидетели должны покинуть зал, – сказал судья строго и обвел взглядом галерку.

Зеваки зашумели. Как уходить? Куда уходить? Они же только устроились!

Секретарь заглянула в свои бумаги, сказала растерянно:

– Заявлены только три свидетеля...

– А остальные? – удивился судья Попович. Как по мне, несколько нарочито.

– Мы Витю пришли поддержать! – выкрикнул кто-то с галерки.

Остальные согласно зашумели.

– Все? – удивился судья. И непонятно, то ли он интересовался, почему "группа поддержки" такая большая, то ли уточнял, есть ли тут болельщики господина Нальгота.

– Ага, – столь же непосредственно ответил говорун. – Ну не орка же! Му... – его ткнули локтем в бок, и он быстро поправился: – Мутный он.

– И жадный, – поддержала какая-то бабка.

– И бессовестный! Лесопилку отжал...

– Дорогу! Дорогу перегородил!

Деревенские зашумели. Пришлось судье похлопать пухлой ладошкой по столу.

– Тих-х-хо! – пророкотал он. Ничего себе бас! Зеваки притихли. Судья обвел их взглядом и велел: – Я разрешу вам присутствовать, но только если будете сидеть молча. Малейший шум – и вы все отправитесь в коридор. Понятно?

Деревенские – не будь дураки – закивали. Говорун попытался было что-то вякнуть – но рот ему сразу заткнули. Пирожком.

Рот у меня наполнился слюной, а у судьи заурчало в животе. Выразительно так. Зато прокурор, девица диетического – тьфу, то есть астенического – телосложения бросила на галерку неприязненный взгляд.

А селянам хоть бы хны.

Слушание пошло по накатанной.

Начали с формальностей – установления личности участников процесса.

Мой подзащитный представился, назвал дату рождения, образование, место работы...

– Водный маг? – оживился судья и окинул Виктора заинтересованным взглядом. – Редкий дар.

Магия в Мидгарде по большей части прикладная: рунические знаки, стихотворные заклятия, гадания, призыв духов и всякие травки. Стихийники встречаются нечасто.

– Один из моих предков был драконом, – сообщил Виктор спокойно, лишь губы чуть сильнее сжал. – Очень давно.

Судья понимающе кивнул.

Дракон – живое воплощение одной из пяти стихий. Воды, огня, воздуха, земли или льда. Кровь их настолько сильна, что много поколений рождаются лишь драконы, кем бы ни был второй родитель. И лишь когда ее останется всего пара капель, на свет появится стихийный маг.

Так что господин Виктор Зотов – своего рода редкость. Любопытно, что такой уникам делает в этой глуши?..

Личность потерпевшего ажиотажа не вызвала. Селянам он был знаком – причем не с самой приятной стороны – а судью обычный орк заинтересовал мало. Ладно бы он явился с саблями и сплясал, а так... Мало ли в Мидгарде орков?

Зрители несколько оживились, когда я предъявила свой ордер. "Альвхеймская областная коллегия адвокатов" – это звучит гордо!

Далее прокурор принялась зачитывать обвинительное заключение.

Привычные гладкие фразы падали в тишину. Даже галерка притихла под градом этих "на почве личных неприязненных отношений", "общеопасным способом" и "действуя по предварительному умыслу".

Переводя с юридического на человеческий, господин Нальгот изрядно допек соседей. Морду ему не били, но вслед сплевывали. Виктор Зотов же решил пойти дальше, благо, магия это позволяла. О цунами речи не шло, но даже капли сродства со стихией хватит усмирить небольшое наводнение или вызвать дождь в засуху.

Пользуясь этим, мой подзащитный якобы наслал на дом господина Нальгота бурю с грозой. Несколько молний ударило в крышу и... Здание сгорело до основания. Повезло, сам хозяин с семейством надолго уехал в гости, так что никто не пострадал.

"Так ему и надо!" – прокомментировал кто-то с галерки дребезжащим старушечьим голосом. Деревенские согласно загудели. Им пожар не грозил, дом господина Нальгота стоял поодаль, на холме.

Судье пришлось бросить на зрителей строгий взгляд, под которым они примолкли.

– Подсудимый, встаньте! – велел судья, когда прокурор закончила читать. – Вы признаете вину?

Кстати говоря, "прокурор" и "адвокат" принято говорить только в мужском роде. За "адвокатессу" или, чего доброго, "адвокатшу" я могу и кодексом в глаз дать!.. Шучу. Но проверять не стоит.

– Вину не признаю, – спокойно отчеканил подзащитный, как мы и договаривались. – От дачи показаний отказываюсь.

Это было правом подсудимого, однако прибегали к нему нечасто. Для суда это склоняло чашу весов к "виновен". Мол, правду говорить не может, а врать боится.

Виктор, кстати, оказался понятливым. Не спорил, не рвался что-то высказать, не пытался все переиначить. Золото, а не подзащитный!

– Понятно, – сказал судья и губами пожевал. – А вы что скажете, потерпевший?

– Вах, негодяй! – припечатал орк, выпрямившись во весь свой немаленький рост, и руками всплеснул. – Дома лишил! Жены мои теперь плачут и плачут. И плачут. И плачут!

– Так утешь, – посоветовал кто-то с галерки. – Мужик ты или как?

Женщины прыснули, мужчины захмыкали, переглядываясь.

Зато старушка нахмурилась и погрозила советчику пальцем.

– Язык-то не распускай! Суд как-никак, а ты... развратник!

– А я чо? – оскорбился советчик. – Я ж про одежду там новую или сласти. А вы чо подумали, бабка Матрена?

– Тихо! – рыкнул судья. – Иначе удалю всех посторонних из зала.

Деревенские притихли, а судья перевел взгляд на потерпевшего.

– Какое наказание вы просите для подсудимого?

Господин Нальгот посуровел. Сверкнул темными глазами.

– Казнить его мало!

И рукой махнул. Мол, будь при нем сабля – или ятаган? – лично бы... Только вот в нашем просвещенном Мидгарде подобному варварству не место.

– Кхм, – судья почесал переносицу. – Значит, просите наказать строго?

– Вах, какой умный человек, – восхитился орк. – Как красиво говоришь! Строго, да.

– Да правильно все Виктор сделал, – проворчал кто-то с галерки. – Орк сам виноватый.

Нечего было...

На него зашикали.

– В деле заявлен гражданский иск, – влезла прокурор. – Который обвинение поддерживает.

Материальные убытки орк оценил в такую сумму, что хватило бы отстроить два-три особняка. Небольших таких, спален на тридцать.

– Значит, ущерб не возмещен... – пробормотал судья, дочитал до суммы и крикнул. Негласные правила не велят возмещать моральный вред в объеме значительно большем, чем причиненные убытки. А орк и тут, прямо скажем, не поскромничал.

– Разрешите задать потерпевшему несколько вопросов? – поинтересовалась я мягко.

– Приступайте, – махнул рукой судья и на часы посмотрел. – Это не очень долго?

– О, не думаю. Итак, господин Нальгот, поясните суду, из-за чего у вас с подсудимым возник конфликт?

Глаза орка забегали, но ответил он надменно:

– Откуда мне знать? Меня в деревне не любят.

И, разумеется, безо всякого повода!

Судя по тому, как зашевелились, запереговаривались деревенские, отныне господину Нальготу не стоит появляться в деревне без охраны. Убить не убьют, но заплюют так, что любой верблюд обзавидуется.

Я склонила голову к плечу.

– То есть раньше вы не ссорились?

Орк распрямил плечи.

– Что ты хочешь узнать, женщина? Да, приходил он ко мне. Ругался!

– Из-за чего?

– Из-за колодца! – выкрикнул кто-то из местных. – Орк себе воду захватить хотел, чтобы мы ему платили. А Виктор не позволил.

Господин Нальгот насупился.

– Я скважину строить хотел! Чтобы всем воды хватало.

Разумеется. А прибыль пошла бы ему в карман.

– Почему подсудимый не согласился? – уточнила я с легкой насмешкой. – Раз вы хотели облагодетельствовать деревню?

– Дурак потому что! – сказал орк в сердцах. – Я ему и долю обещал...

Он осекся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.